

В. Н. Стрелецкий

**НА СТЫКЕ НАУК: ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ В ЕЕ ОТНОШЕНИИ К
ИСТОРИИ И ГЕОГРАФИИ**
(вместо введения)

География по отношению к человеку — не что
иное как История в пространстве, точно так же, как
История является Географией во времени.

Элизе Реклю

Слова великого французского географа, выбранные здесь в качестве эпиграфа, как никакие другие отражают единство, неразрывную связь географии и истории. В прошлые столетия эта связь отчетливо проступала в развитии гуманитарного знания. Как хорошо известно, со времен античности вплоть до конца XIX в. многие выдающиеся ученые — от Геродота и Страбона до Карла Риттера и Льва Мечникова — фактически были и географами, и историками.

В XX в. ситуация существенно изменилась. Бурный прогресс научных знаний, сопутствовавшая ей дифференциация научных дисциплин развели географию и историю весьма далеко друг от друга. Но дело даже не только в этом. Обратной стороной данных процессов стали отрыв изучения пространственных структур и пространственных связей событий и явлений от изучения их генезиса и эволюции.

Разумеется, это не означает, что географы вообще перестали обращать внимание на исторические особенности формирования объектов их исследований, а историки полностью игнорировали региональные аспекты изучаемых ими процессов. Более того, в рамках как исторической, так и географической наук оформилось «стыковое» направление между ними — т.н. «историческая география». Заметим, однако, что этим термином стали вскоре обозначать совершенно разные сферы исследовательской деятельности.

Отчасти, но только лишь отчасти, это объясняется тем, что историческую географию как своеобразную пограничную область знания формировали конкретно историки и географы, фактически независимо или почти независимо друг от друга. И, естественно, формировали ее прежде всего со «своих» профессиональных позиций, далеко не совпадающих.

О СУЩЕСТВУЮЩИХ ВЗГЛЯДАХ НА ПРЕДМЕТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Прежде всего отметим несколько принципиальных особенностей, отличавших процессы формирования историко-географического направления в «недрах» исторических и, соответственно, географических наук.

Историки, вторгаясь в область, смежную с географией, как правило видели свою основную задачу в изучении пространственной стороны исторического процесса. Многие из них пытались, и иногда безуспешно, связывать исторические события с особенностями географической среды тех

или иных регионов. Однако на практике часто дело сводилось к (несомненно, тоже очень важной) работе по локализации упоминаемых в исторических источниках пунктов, событий и прочих сведений. Иначе говоря, историческая география рассматривалась как сугубо вспомогательная историческая дисциплина, занятая преимущественно решением задач географической «привязки» событий и явлений.

Географы, со своей стороны, обращаясь к историческим сюжетам, интересовались в первую очередь историей современных географических объектов. Изучение исторических корней сложившейся географии населения, хозяйства, культуры, политической географии стало главным направлением историко-географических работ, выполняемых учеными-географами. Впрочем, это характерно в основном для исследователей, работающих в области общественной географии (географии человека). Ибо среди физико-географов весьма распространенным является взгляд на историческую географию как на науку, изучающую изменения природной среды в антропогене (четвертичном периоде), когда появляются человек и человеческое общество. В таком понимании историческая география — лишь один из разделов палеогеографии, объектом исследования которого является последний, «исторический» этап развития природы Земли (в противоположность грандиозному по продолжительности «доисторическому» этапу — до неогена включительно).

Другой причиной несовпадения взглядов на существо и предмет исторической географии являются национальные традиции, сложившиеся в разных странах мира. Так, весьма различны научные подходы и парадигмы, принятые в англо-саксонской, французской, немецкой, русской исторической географии. Само рассмотрение этих различий вполне заслуживает отдельного исследования. Здесь же лишь отметим, что в дореволюционный период в отечественной исторической географии существовала научная школа, пользовавшаяся огромным авторитетом в мировом масштабе. Ее традиции были заложены работами Л. Майкова, М.К. Любавского, С.М. Середонина, А.А. Спицына (XIX - начало XX вв.). К сожалению, в советский период эти традиции были в значительной степени утрачены, а само данное междисциплинарное направление оказалось на «периферии» научных интересов и географов, и историков. Преобладающим стал взгляд на историческую географию как на «узкую» предметную дисциплину - со стороны как историков, так и географов.

ГЕОИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА КАК ПУТЬ К СИНТЕЗУ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В НАУКАХ ОБ ОБЩЕСТВЕ

Безусловно, более или менее «узкой» трактовки предмета исторической географии имеют свое право на существование. Однако возможен и иной подход (условно назовем его, за неимением лучшего термина, геоисторическим), и именно он объединяет инициаторов и большинство участников созданного при ИГ РАН и работающего с апреля 1996 г. Семинара по исторической географии, в т.ч. авторов, представленных на страницах данного сборника. Геоисторизм, с нашей точки зрения, есть

специфический способ анализа социальной действительности, целостный взгляд на развитие общества во времени и пространстве, иначе говоря, парадигма синтеза в исследовании пространственных и временных структур.

В таком понимании, историческая география уже не представляет собой какой-либо одной «узкой», предметной дисциплины (в семействе исторических, либо, наоборот, географических наук), но является широким, междисциплинарным направлением исследований на стыке разных наук. Разных, но прежде всего двух, ключевых, «материнских» наук — истории и географии. Как известно, первая изучает человеческое общество на разных этапах его развития, характер изменений в нем в разные эпохи. Объектом же изучения географической науки выступает земная поверхность в целом или в пределах определенных территорий, пространственные сочетания и различия, наблюдаемые на Земле. Для нас совершенно очевидно, что исследовать одно в отрыве от другого (как это часто, к сожалению, бывает на практике) малопродуктивно.

При геоисторическом подходе к изучению социальных процессов само противопоставление истории и географии теряет смысл. Как отмечается в публикуемом ниже документе, не без известной доли иронии названной авторами «Декларацией независимости» исторической географии, последняя (в таком, широком, понимании) есть путь «к более полному по сравнению с чистой историей и чистой географией познанию явлений, и в этом смысле скорее историю и географию можно считать вспомогательными по отношению к исторической географии дисциплинами, чем наоборот».

Впрочем, геоисторический подход возможен и желателен далеко не только при изучении одних лишь социальных явлений. Он вполне оправдывает себя и при исследовании разных аспектов столь многогранной и традиционной для географов и историков темы, как «Человек и среда». В частности, вне геоисторического синтеза невозможна разработка таких фундаментальных в научно-теоретическом отношении проблем, как природных условий на пространственное разнообразие исторического процесса, формирование и динамику территориальных различий в жизни общества, равно как и исследование исторических изменений географической среды, роли в них антропогенных факторов и т.п.

В работах многих историко-географов, в т.ч. отечественных, традиционно широко используется метод т.н. «временных срезов», позволяющий, в большей или меньшей степени, реконструировать картину географии конкретного общества в конкретную эпоху. Но существенным недостатком данного метода является статичность анализа, поскольку динамике исследуемых явлений при этом уделяется гораздо меньше внимания, чем их текущему состоянию. В нашем же понимании, подлинный синтез истории и географии немыслим без решительного поворота историко-географов в сторону изучения именно динамических, эволюционных в широком смысле, процессов. Статические «срезы» географической картины той или иной эпохи, безусловно, сохраняют свое значение как одно из важных научных направлений, но они никоим образом не могут покрыть собой все проблемное и тематическое «поле» междисциплинарных историко-географических

исследований.

Думается, что возрождение исторической географии в нашей стране напрямую зависит от того, смогут ли историки и географы разработать научный подход, органично сочетающий бы пространственный и временной анализ явлений и событий, чему есть удачные примеры в зарубежной науке, в частности во французской (работы школы Видаля де ла Блаша, геоисторические исследования школы «Анналов» - М. Блока, Л. Февра, Ф. Броделя, Ж. Ле Гоффа и др.).

Предлагаемый вниманию читателя «Вестник Исторической Географии» рассматривается авторами как попытка сделать определенный шаг в сторону сближения географического и исторического подходов при исследовании смежных проблем на стыке двух этих научных дисциплин. Данное издание подготовлено специалистами разного профиля и носит междисциплинарный характер. Но при этом все статьи, помещенные в «Вестник...» объединяет стремление авторов органически сочетать пространственный и временной анализ социальных (в широком смысле) процессов и явлений, их целостное, геоисторическое восприятие.

Большинство публикуемых в «Вестнике...» статей представляет собой результаты исследований, специально обсуждавшихся в 1996-1997 гг. в рамках Семинара по исторической географии, функционирующего при Институте Географии РАН.

А.И. Трейвиш

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЛНЫ И ЛАГИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Всё возникает и течет... Все течет, все меняется... Нельзя
дважды войти в одну и ту же реку

Гераклит Эфесский

Все реки текут в море, но море не переполняется; к
тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы
опять течь. Бывает нечто, о чем говорят: смотри, вот это
новое; но это было уже в веках, бывших прежде нас.

Экклезиаст

1. Историческое пространство-время: линейность и цикличность

Предмет и поле истории — время. Древние называли историка *Translator Temporis* — передатчиком, переводчиком времени. Время обычно понимают как череду событий, смену (социальных) состояний. Но у события всегда два адреса: *когда и где*. Тут не обойтись без нашего поля — геопространства. Как историки и географы соединяют свои атрибуты в единое *пространство-время*? По-разному, что порождает общий для двух наук спор о типичном и уникальном, непрерывном и дискретном. В широком смысле он восходит к спору через века Гераклита с Экклезиастом (см. эпитафии). Вот два противоположных решения и два взгляда на региональное разнообразие истории.

Универсализм исходит из однолинейности мировой истории и единства мировой цивилизации. Мир и страны движутся по общему пути, проходя одни и те же стадии. Но не синхронно, отсюда лидеры и аутсайдеры. Этот подход связан с европейскими теориями прогресса, начиная с эпох Возрождения и Просвещения и включая доктрину Маркса. Ключевые понятия для современных последователей этой школы новация, революция, модернизация. Однако ныне в России этой линии держатся скорее либералы и демократы, чем коммунисты.

Уникализм исповедует нелинейность или многолинейность истории локальных культур цивилизаций, с их самобытной традицией и круговоротами (подъем расцвет-упадок). По И.Я. Данилевскому, прогресс не в том, чтобы всем идти в одну сторону, а в том, чтобы в разных направлениях исходить все историческое поле человечества. Он и его западный собрат О. Шпенглер настаивали на непередаваемости и взаимной непроницаемости культур, что так близко националистам.

К обоим решениям есть претензии.

Линейные схемы дают базу для сравнения уровней развития. Но местное и национальное тут суть варианты всеобщего, глобального, а это сильное упрощение. Чего стоят общие датировки универсальных событий и стадий, если даты всюду разные? Почему в Иране, в отличие от Турции, не прошла светская вестернизация? Трудно линейной логике с победами «низших» культур над

«высшими», как варваров над Римом. Впрочем, крупный мыслитель любой школы всегда шире схем и ярче ярлыков. Так, революционер, но не универсалист Герцен заявил, что история никуда не идет (вертится по кругу?). А социализму — предрек развитие до нелепостей, когда он займет место консерватизма и будет побежден какой-то новой революцией.

В идеях уникалистов привлекает равноправие культур: все они неповторимы и тем ценны для человечества. Пусть даже классики это отрицали, выделяя великие культуры и пренебрегая малыми, реликтовыми, дисперсными. Важно привитое ими внимание к разнообразию. Новация здесь — это рождение культуры. Но его механизм часто неясен, мистичен или анекдотичен (как идея Горера о том, что русские склонны к диктатуре, ибо в детстве их туго пеленают). Сколько было мировых цивилизаций: 8-10, как у Данилевского и Шпенглера, или больше 30-ти, как у позднего Тойнби? Каковы их рубежи в пространстве и во времени?

По Шпенглеру (1923), каждой отпущена 1000 лет; рамки западной цивилизации - между 1000 (империя франков) и 2000 гг., «закат» с 1800 (Наполеон соответствует античному Александру). Циклизм даёт пищу для странных параллелей. Греческая классика и европейское барокко близки как зрелое лето культур. Карл и Петр великие, Магомет и Кромвель - как бы современники. Но при этом культуры непроницаемы, а внешние прививки названы псевдоморфозами. Таковы эллинизированная Иудея и европеизированная Россия, где города для простого человека чужды и несправедны как Петербург для Достоевского и Иерусалим для Христа.

Всё чаще историки стремятся к третьему решению, без крайностей. Универсалисты вводят в инновационные схемы понятия барьеров и лакун, соглашаются, что разные народы проходят стандартные стадии развития по-своему, самобытно. Уникалисты, уходя от принципа замкнутости, разрабатывают идею культурных эстафет, не чуждую самому Шпенглеру (Греция – Рим – Европа, что даёт суперцикл длиной в 3 тысячи лет)

Простейший выход из дилеммы вперед или по кругу предложен давно: это спираль, сочетание поступательности развития с витками. Но какой она формы, растянутая или сжатая? Возникает мысль, что это зависит от специфики изучаемой сферы. Ведь прогресс наиболее очевиден и измерим в технике (дальше, выше, быстрее). Близкие критерии в экономике: продуктивность, эффективность. С социальной сферой в узком смысле уже сложнее, а с культурой — и вовсе спорно. Получается ряд, к разным звеньям которого подходят разные решения.

И все же для одних главными системными единицами остаются сквозные социальные типы (эпохи, формации, цивилизации): феодализм, индустриальное общество. А для других — местные, этнически и географически конкретные: романо-германская Европа, арабо-ис-ламский мир. Может быть, такой дуализм неизбежен? Однако кто-то третий сочтет и те, и другие системы бледными абстракциями. Для него конкретны сочетания: арабское средневековье при халифах, западноевропейский промышленный капитализм, и даже отдельно — английский, немецкий... С этой позиции, споры двух школ не так важны, а результаты должны сближаться, быть эквивиальными.

Историко-географы могут использовать любой подход. Кажется, географии больше в уникализме, где она играет системообразующую роль. Однако монополией на синтез пространства и времени никто не обладает. Вклад универсалистов в этот синтез тоже велик, причем внесен и географами (диффузионизм Т. Хегерстранда и др.). Хотя замечено, что если универсализм игнорирует пространство, то быстро впадает в схоластику.

Конечно, в методах географа, идущего от глобально-типичного и от локально-уникального, есть некоторая разница, примерно такая, как между отраслевой и региональной географией. Но и она условна. В обоих случаях мы встретим волны, волнообразными процессы. Потому что волне подобен жизненный цикл явлений, всеобщих и местных. Как сказал А. Тойнби, потока жизни не понять, если не выделять в нем изгибы струй, пороги и тихие заводи, вздыбленные гребни волн и гладь отлива. Волнообразна и география потока - распространение и сжатие, пульсации, смещения.

Поскольку речь пойдет об исторической экономгеографии Восточной Европы, мы начнем с линейного универсализма и с вопроса о хронологической глубине отставания (задержки) при усвоении основных аграрных и промышленных укладов, типов хозяйства. Но, быть может, зайдя с этой стороны, все равно придем к синкретизму, к комплексу региональных феноменов, к той же «вечной» специфике данной цивилизации.

2. Восточноевропейский феодализм: поздний или «другой»?

Отставание Восточной Европы и особенно России от их западных соседей по развитию многих социальных институтов и технологий очевидно. Иные советские авторы (Чунтулов и др., 1987 сс. 11-16) представляли это развитие почти синхронным, но неубедительно. Возьмем хотя бы четыре среза (периода), чтобы, по общедоступны историческим данным, прощупать уровень типичных явлений средневековья.

Шестой век. На заре феодализма, в вихре великих переселений карта Европы все же наследует римской эпохе, хотя на месте Западного Рима она уже пестрит королевствами вест- и остготов, франков бургундов. Варваризация сильнее на севере, романизация — на юге. В 450-х гг. Италия, отнятая Византией у остготов, пережила краткий возврат рабовладения, пресеченный вторжением лангобардов. Так или иначе, к западу и югу от Эльбы проникает христианство арианского (у готов) или римского толка (у франков Хлодвиг с 496 г.) и двупольное земледелие; родовую общину сменяет соседская марка, где пашня принадлежит малой семье, а луга, леса и воды — общие (аллод и альменда).

На востоке Европы рубеж между империей и варварами еще резок, но в Византию, застрявшую на полпути от античности к средневековью, рвутся славяне. Оседая на Балканах, они в 7 веке наводняют Грецию, как германцы 5 века — Италию. Близ дунайского фронта возникнут княжество Само (по сути недолгий антиаварский союз племен) и Болгарское царство. Большинству славян до государственности и христианизации остается 300 — 500 лет. Пока это язычники, живущие родами. Сведения о них скудны. Не все писали даже рунами, а от Рима их заслоняли, в т. ч. географически, германские племена.

Авторы 6 века уже не смешивали их, как Тацит в 1 в., с германцами, финнами, сарматами, но восточных славян-антов и северных венетов знали хуже, чем южных склавинов. Археологи и в 20 в. спорят о принадлежности ряда находок антам или готам. Трудно разделить «славянский и германский лен»; по С.М. Соловьеву (1993, с.38), чем ближе народы к первоначальному быту, тем сходнее друг с другом. Одни историки уверены, что хозяйство славян было таким же, другие - что оно было примитивнее. На него влияло рассеяние по Восточной Европе, вызванное уходом германцев и натиском аваров. Те славяне, что попали на север, в страну лесных финнов, удалялись от культурных центров юга, долго сохраняли скотоводческо-охотничий уклад в ущерб земледелию и т. п.

Итак, широтный градиент развития Европы уже проступает за древним меридиональным. Один переходит в другой хотя бы из-за формы континента, сужающейся клином к западу, где физические расстояния между античным севером и варварским югом много короче. Это ускоряет единение романо-германской Европы сравнительно с греко-славянской, закладывая (помимо разницы в религии) будущий перепад запад-восток. Измерить лаги еще трудно, но они обещают быть масштабными.

Десятый век. На Западе (его образец Франция) — классический феодализм с вассальной иерархией и политическим дроблением после распада империи Каролингов. Вилланы теряют землю и свободу, их восстания в Нормандии и Бретани подавлены. В поместьях развито трехполье. Феодализм быстрее проник на романский юг, но там крепнут вольные городские коммуны. На севере (Англия, Германия) прочней сельская община-марка. Масса крестьян еще свободна, но расслаивается, сокращаются общинные земли и их переделы. Формулу нет человека без господина закрепил указ короля Англии в 930 г., как во Франции в 847. Ярости норманнов, еще крепких родовой порукой, противостоит типично феодальное войско из рыцарей-землевладельцев.

Русь в 10 веке — сперва варварское, а с 988 г. православное государство. Христианство пришло на 4 — 6 веков позже, чем на Запад и Юг Европы, но раньше, чем в Финляндию, Пруссию, Литву, крещеные в 13 — 14 вв. Лаг в политическом устройстве такой же. Стол Св. Владимира, по летописям и былинам, напоминает не то круглый стол рыцарей Артура, не то дом Меровингов, то есть 5 — 6 вв. на Западе. Главный контраст в экономике, сильной не земледелием, а торговлей: транзитной на речном пути из варяг в греки, породившем знаменитую гряду городов, и экспортом лесных продуктов, особенно пушнины. Князья собирают их в виде дани на зимнем полюрье. По М. Блоку (1986, с. 125), править страной из дворца тогда никому не удавалось, и западные короли, бароны тоже не вылезали из седла хотя бы в видах пропитания. Но главной целью их разъездов уже был присмотр за хозяйством домена и сбор аграрной ренты. Русская же знать, по словам В.О. Ключевского (1993, т. 1, с. 143), до 11 века не имела ни деревень, ни пашен, занимаясь войной и торговлей. Своих холопов она не сажала на землю и не сдавала ее в аренду. Русская Правда 11 - 12 вв. регулирует в основном право в торговом городе, оставляя сельскую собственность в тени (там же, с. 219).

Киевская Русь не знала трехполья до 12 в. (Польша до 10-го), но на

степной днепровский юг успела проникнуть двупольная плужная система, выросшая из перелога: опять как во Франции 6 века при Меровингах. На лесном севере преобладало подсечно-огневое земледелие. Плотность жителей – 2-6 чел./ кв. км. на Западе Европы 15-20 (Шелестов, 1987. с. 157). Нет ясности с сельской общиной. С.М. Соловьев считал ее родовой, В.О. Ключевский полагал, что она стала соседской уже в 6-8 веках, при расселении славян из Карпат по равнине но на севере позже, чем на юге (даже названия разные: мир и вервь) Спорен вопрос о земельной собственности. Видимо, избыток земли ставил его менее жестко, чем на Западе. Родовые корни видны в праве кровной мести и в совместном владении страной всеми Рюриковичами, особенно потомками Ярослава в 12 в. Киевский стол мог перейти не по прямой, к сыну, а к старшему в роде, и все родичи перемещались из одних городских областей в другие, лучшие. Все это делало князя «блуждающей кометой», равнодушной к оседлому земледелию.

Русь 10 века отстает от Западной Европы по развитию феодализма на 4 -6 столетий. Запад по сути олицетворяет прирейнская зона, а шире - вытянутый овал (так называемый «банан») между рр. Темза и По. Чем дальше от них, тем обычно ниже густота населения и интенсивность хозяйства. Это без Средиземноморья, от арабской Кордовы до греческого Константинополя, но они уже не Запад. Север все еще примитивнее Юга и в Европе, и на Руси, что зависит от степени его периферийности. Так, разница между Русью и Восточной Европой (Польшей, Венгрией), Скандинавией невелика или отсутствует.¹

Четырнадцатый век. На Западе началась эрозия классического феодализма, возникают сословно-представительные монархии, национальные рынки. К нам феодализм пришел вместе с дроблением в удельные (12—15) века. Князья осели в вотчинах, вместо былых съездов отправляются в Орду за ярлыками. Растет абсолютизм, давая ей первый бой (1380), но без парламента. За централизацию, почти синхронную с Англией и Францией, сословия платят беспорядком. Городские вольности пока хранят Новгород и Псков. Но эти феодальные республики — не морские, а лесные — вывозят те же «первобытные» продукты (меха). Коммунальных революций Россия не знает. Киевский юг в упадке. В будущий Центр, отрезанный монголами от Европы, только проникает трехполье.

Все не совсем так, как было на Западе. Нет, например, четкой вассально-

¹ Возьмем для примера Скандинавию. К 10 веку современник, а может и родич нашего Олега - Харальд Прекрасноволосый - объединил Норвегию. Современники Владимира приняли крещение. Политические и экономические (вотчинные) права, всюду уже наследственные, тут, как и па Руси, бывали условно-временными, задержалось двоевластие королей и тингов-вече. Суровая природа сохраняла свободу крестьянам, «не пуская» конных рыцарей; первые шведские замки построены королями в 13 веке. Все это приметы феодального отставания. И страна викингов лет на сто впала в игу, пусть не татарское, а немецко-ганзейское, без упадка городов, ремесел, торговли. И выход нашла похожий - собиранье земель под одной рукой (Кальмарская уния 1397). Это раньше, чем у нас. И дальше судьбы евроосевян расходятся. Скандинавия вращается в Европу, Русь отходит от нее (еще в 17- 18 вв. для европейцев она - «Тартария»)...

ленной иерархии, ибо властные отношения не тождественны земельным и наследственным. Бояре легко меняют место службы, и князья дают им землю лишь во временное кормление; наследный феодал остается в другом княжестве. По Ключевскому, ни кормления, ни вотчины не породили западных бароний. В ландшафте Европы они обозначены средневековыми замками. У нас их, в отличие от монастырей, нет и уже не будет. Прочная оседлость крестьян и дворян, частные постройки из камня явятся позже, в едином государстве и в эпоху артиллерии, когда стены бесполезны. И в ландшафте это иные реликты — помещичьи усадьбы в зелени парков, что ближе к польско-немецким фольваркам.

В чем причина различий? Да в том же землеобилии и подвижности населения. Феодальная иерархия бывала запутанной всюду (вассалы нескольких сеньоров, держатели нескольких феодалов и др.). Но в западной тесноте все это не имело того размаха, как в России, где центром княжества мог быть обнесенный частоколом двор в лесу. Истощение почв на подсеке и перелог, без удобрений (мало скота, зимой он в стойле) восполняли охотой и промыслом. Все это вело к непрерывным миграциям. И тренды развития разные. На Западе сеньориальная реакция не прошла. Вот пункты Майл-Эндской программы восставших в 1381 году эссекцев: отмена личной зависимости («впредь ни одного виллана»), только денежная рента, и не более 4 пенсов за акр. Программа кентцев Уота Тайлера еще радикальнее: упразднить сословные привилегии, обобществить леса и воды. И обе приняты королем, хотя реальна лишь первая. К 15 веку крепостных фактически уже нет ни в Англии, ни во Франции.

В России 14 века крестьяне не уже, а еще лично свободны, платят умеренную натуральную ренту. Расплатись — и иди к другому боярину либо вовсе бросай землю. Нет уравнительных общинных переделов, круговой поруки, жесткого социального контроля. Легальное и материальное положение крестьян на всем Востоке Европы легче, чем на Западе (Blum, 1957; Rugg, 1985, p. 73). Зато тот уже знает банк, биржу, вексель, страховку. Руси они ни к чему, как и законы. Чьи, скажем, черные земли? Крестьяне, считая их по обычаю своими, продают и передают сыновьям. А нет сына, их заберет князь, тоже обычаем (в Европе дочь еще с 6 века тоже наследница по закону). Свободно отчуждаемый аллод так и не оформился. Может быть, не было и акта о полном запрете крестьянских переходов где-то на рубеже 17 века.

Итак, две части Европы - почти в противофазе по циклам развития: Запад выходит из феодализма, Восток в него вползает. Россия проходит примерно ту стадию феодализации, как рейнские франки в 7-9 веках, та же и технология земледелия. Полаг настолько велик (не менее шести веков), что ряда черт западного феодализма вообще нет. Тут и корни представлений о его особом русском варианте, во многом обязанным отсутствию аграрной тесноты и миграциям. Их аналогом в Восточной Европе был немецкий *Drang nach Osten*. Правда, он иссякает, а расширение России еще впереди. И всюду теперь юг отстает от севера.

Восемнадцатый век. За очередные 400 лет Запад ушел от феодализма к рыночному капитализму. Общинную систему открытых полей сменяет компактная ферма, многополье с культурными травами и интенсивным скотоводством. Традиционная деревня и крестьянство исчезают. Аграрный переворот начался в 16 в. на севере – в Англии (огораживание), затем в Голландии, Дании, Швеции (Boesch, 1964, Ch.2). Теперь Англия открывает индустриальную эпоху. Франция спешит за ней через хаос Великой революции. Растут города, спрос на продовольствие и его импорт, ведь посевы зерна в новых агросистемах ограничены, зато из Америки текут тонны золота. Еще в 16 в. началась **революция хлебных цен**, выросших в шесть раз за столетие. Охватив и Восточную Европу, она привела там к парадоксальному результату — **неокрепостничеству** (Blum, 1957; Hosszowski, 1961; Makkaï, 1975, Rugg, 1985, pp. 71 — 75). Джером Блюм объяснял это так: огромная власть дворян позволила им стать не просто взимателями ренты, а «производителями» и экспортерами агропродукции, вызвав упадок городов и средних классов.

Это повторила Россия в 18 веке. Перед тем в ее хартланде возник внутренний рынок, заложив трещину между северной промышленной и южной аграрной полосой. Цены тоже росли, но не слишком, отчасти из-за дефицита драгоценных металлов (Миронов, 1985, сс. 111 — 113, 170 — 175). Западная волна инфляции стихала на границе страны, мало связанной с Европой.² Только обрета при Петре и Екатерине выходы к Балтике и Черному морю, Россия включилась в мировой обмен и к концу века увеличила экспорт зерна в 10 раз (там же, с. 114). Золотой век дворянства, свободного с 1762 г. от неременной службы, сопряжен с барщиной, подобной плантационному рабству негров – до 6 дней в неделю.

В наших латифундиях трехполье давало абсолютный избыток зерна при урожайности сам-три. Такой она была в Европе 12 в., но теперь достигла 1:5, а то и 1:8. Это не означало изобилия. Как раз в Англии, Голландии, где росли урожаи, своего хлеба не хватало. Но было на что его купить, а у Востока — что продать. С Россией случи лось то же, что раньше с Пруссией (где помещик И.Тюнен открыл свои кольца), Прибалтикой, Польшей, Венгрией. Европейский рынок, спасая центр, породил монстра на периферии. Правда, в Германии это считали вторым изданием крепостничества после старого, занесенного еще франками. У нас оно первое. Конечно, крестьяне восставали; 17 — 18 века — эпоха их войн в России (как 10—13 во Франции, 15 — 16 вв. в Испании, Чехии, Германии). Или бежали на окраины. Но депопуляция Центра лишь ускорила закрепощение, а потом его волна достала многие вольные края — Поволжье, Украину. Об этой роковой черте в судьбе крестьян, слишком рано (до стадии аграрного перенаселения) вовлеченных в колонизацию, писали и географы, и историки (Семенов-Тянь-Шанский, 1892; Ключевский, цит. соч., сс. 544—546).

² Что значил Балто-Понтийский барьер Швеции, Польши и Турции, оставившей Московии лишь кружной северный путь, видно из путевых заметок иностранцев. Так, голландец К. де Бруин в 1701 г. плыл из Амстердама в Архангельск более месяца, с 1 августа по 3 сентября. Там он ждал зимы и санного пути. Зато в декабре езда до Москвы заняла уже только две недели (Де Бруин, 1989, сс. 19-51). Кстати, эта санная скорость и речные сообщения летом облегчили России создание национального рынка.

В общем задержка по сравнению с Восточной Европой составляет до 200 лет, а с Западной — те же 500 и более. И это при сознательной попытке модернизации, предпринятой петровской Россией чуть ли не впервые в истории не Запада. Выходит, на протяжении всей своей истории аграрная Россия отставала от него на целых полтысячелетия. Что ж, мы в этом хотя бы не одиноки, да и внутри страны разрыв между севером и югом, центром и периферией углублялся независимо от влияния западных рынков, особенно в 16—17 веках.

Подчеркнем: многовековые лаги относятся именно к *аграрной экономике* и определены условно. При таких пространственно-временных дистанциях полного подобия социальных институтов и технологий быть не может.³ И все же волны их жизненного цикла в основных регионах Европы можно обобщить на графиках, пусть очень схематично.⁴

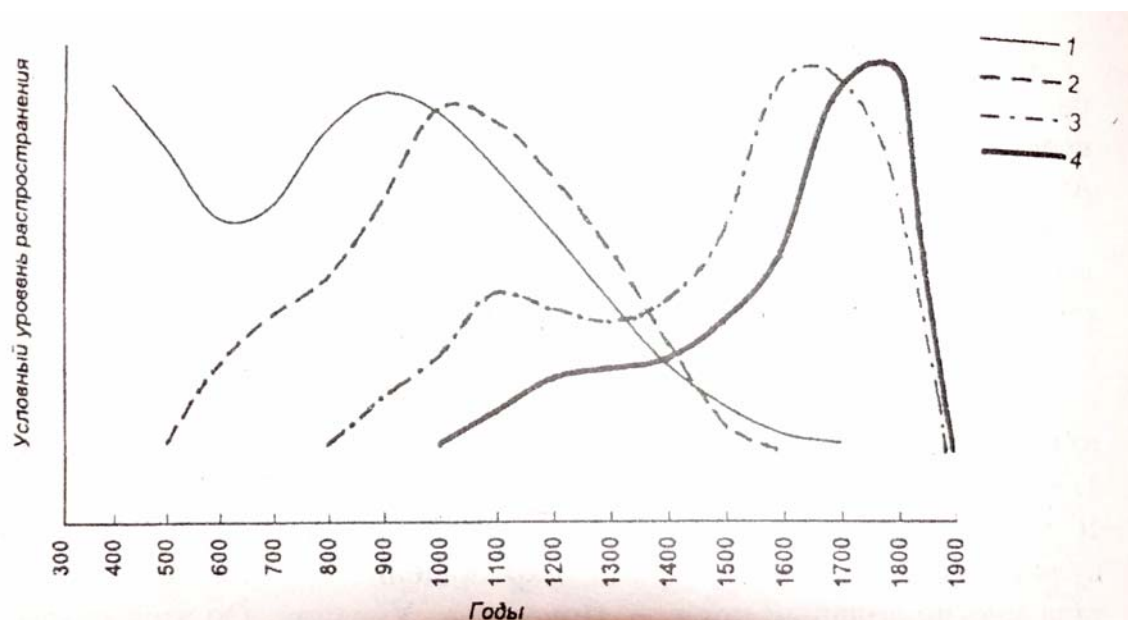

Рис. 1 Распространение серважа-крепостничества (условная шкала)

1 - Западная Европа (Юг); 2 — Западная Европа (Центр)-3 ~ Восточная Европа; 4 — Россия

На *рис. 1* представлена эволюция такого феодального института, как **серваж-крепостничество**, степень господства которого выражена условной шкалой. Сначала его развитие определял градиент север-юг. В Риме он вырос из колоната — аренды парцелл, на которые делились античные латифундии. В 332 г. указ Константина «навечно» прикрепил колонов к земле. Вселения в империю варваров с их свободными общинами ослабили, но не устранили их

³ Некоторые авторы (Брандт и др., 1995, с. 39) считают, что Запад не знал крепостного права, а лишь поземельную и личную зависимость. Повинности лежат или на земле (человек волен ее бросить), или на человеке (что тяжелее, но не равносильно его крепости земле). Но ведь и у нас закрепощение состояло в отмене старинного права перехода к другому землевладельцу, то есть личной свободы. При дефиците земель, поделенных на феодалов, это вообще одно и то же. И положение сервов на барщине при полном иммунитете сеньоров во Франции 10—11 вв. (классика западного феодализма) — фактически крепостное.

⁴ Конечно, географ всегда предпочтет схеме обзорную карту. Увы, материалов для неё пока не хватает. Ведь пробелов она не терпит, и к тому же трудоемка. Это дело будущего.

зависимость, тем более, что рабы-сервы, сидевшие у германцев на земле, были в том же положении. Расширение и слияние этих институтов привело к апогею серважа: в Италии и Франции в 9—11 вв., в Англии и северной Германии — лет на 200 позже. Скандинавию он вообще едва затронул. Однако на юге не исчезала денежная рента, и уже в 11 веке вблизи тамошних торговых городов серваж вытесняется экономически, а в 13—14 вв. всюду вступает в фазу упадка. На местных рынках крестьяне активней сеньоров, они осваивают пустоши, арендуют и выкупают землю, свою личную свободу. Роль сельских общин вновь возрастает, как бы симметрично досерважной эпохе.

В прирейнской Германии траектория сглаженно воспроизводит западную, а в Восточной Европе крестьяне еще полузависимы. В середине тысячелетия пути западного и восточного феодализма резко расходятся: первый сходит со сцены, а на Востоке воцаряется крепостное право. Широтный градиент усиливается разделением труда, когда феодальный Восток континента становится хлебным амбаром буржуазного Запада.

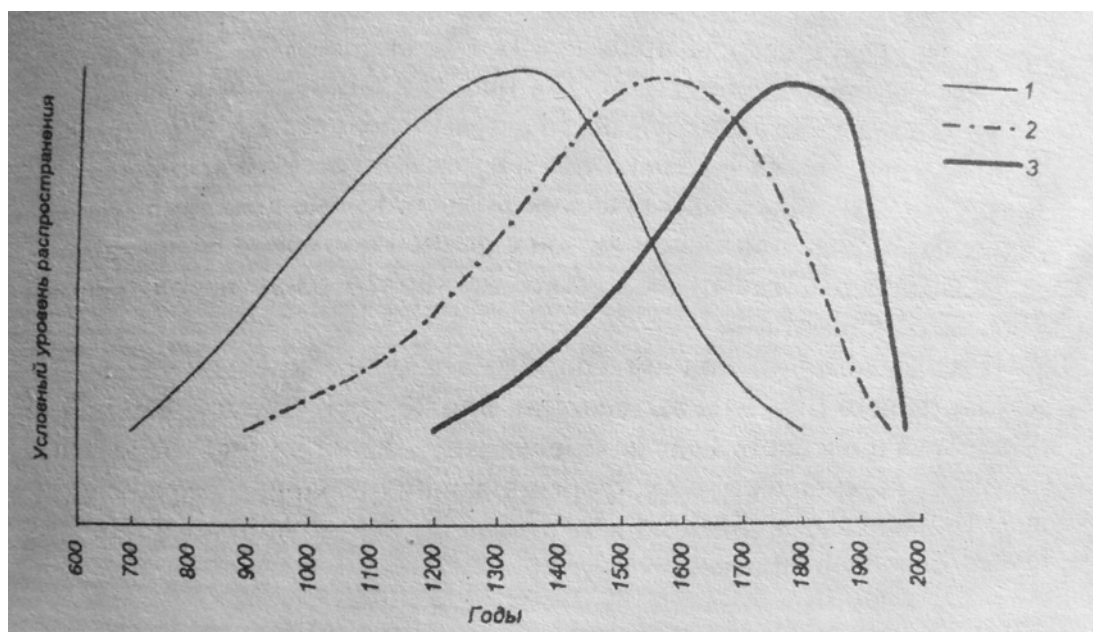

Рис. 2 Распространение трехпольной системы земледелия

1 — Западная Европа; 2 — Центрально-Восточная Европа; 3 — Россия

Примечательно, что чем позже наступал апогей, тем круче кривые и особенно их нисходящие правые стороны, поскольку ликвидация крепостничества шла не постепенно, а путем довольно крутых реформ. По чисто юридическим критериям, траектории развития вообще могут очень сильно сблизиться. Ведь даже во Франции личную несвободу де-юре упразднила только революция конца 18 века, хотя ее давно не было де-факто. Неформальные признаки вообще важнее. Так, земельная и денежная зависимость восточноевропейских крестьян, близкая к положению кропперов и арендаторов на юге США после отмены рабства, сказывалась еще десятилетиями.

На *рис. 2* еще схематичнее показана эволюция типично *общинной системы земледелия, трехполья*: три неогороженных поля под озимые, яровые и пар, в каждом из них семья получала надельную полосу, а севооборот регулировался принудительно. В Западной Европе (юг отсутствует, ибо по природным

условиям там долго преобладало двухполье) система известна с 7 века и достигла расцвета в 11 — 15 веках. Затем она уступает место многополью, травополью и т. п.

Восточную Европу трехполье завоевывало в ходе средневековой германской колонизации в 12 — 14 веках и тогда же проникло на территорию Украины. После расцвета в 15-17 вв. система деградирует под влиянием специализации на кормах и технических культурах (сахарная свекла, лен) в передовых поместьях. Кое-где на востоке Польши и Балканах она существует до середины 20 века. В современную Россию трехполье пришло в 14 - 15 вв., на 100-200 лет позже, чем в Восточную Европу, и лет на 600 лет позже, чем в Западную. Здесь оно распространялось по мере земледельческой колонизации. Время расцвета - 18-19 века. Да и в первой трети 20 в. оно доминировало в основной земледельческой полосе, кроме ареалов технических культур, ряда пригородных зон с ранней кормовой специализацией и Забайкалья, где преобладало двухполье из-за неподходящего для озимых климата.

И вновь поздний подъем сопряжен с более крутым упадком, в результате чего моменты вытеснения ближе друг к другу, чем моменты подъема и расцвета (лаг не превышает 200 — 350 лет). Вероятно быстротой перемен в странах, форсировавших аграрные реформы, связаны социальные напряжения и кризисы, столь типичные для Восточной Европы в 20 веке.

3. Индустриализация Восточной Европы: игра в догонялки

Индустриальная эпоха, с ее динамизмом и сжатым характерным временем, дала шанс Восточной Европе догнать Западную. Лаги здесь тоже есть, но они на порядок меньше, чем в сельском хозяйстве. Промышленный переворот запоздал в Германии, Австро-Венгрии и России по сравнению с его родиной, Англией, всего на полвека, начавшись в 1820 — 40-х гг. Поразительно скоро, учитывая отрыв «мастерской мира» от всех соперников: в первые десятилетия прошлого века она производила половину металла, 80% угля и почти все машины в Европе.

Как это удалось России, несмотря на ее слабости? Да за счет мануфактурной и ремесленной подготовки. Большие мануфактуры, типа тульских железных заводов, возникли в 17 веке. Еще до Петра власть, избегая аграрных реформ, насаждала и защищала промыслы и торговлю. Таможенный тариф 1724 г. налагал 75% пошлины на западный товар, спрос на который мог быть покрыт дома. И столько же на экспорт сырья. В итоге Урал стал мощнейшим районом ранней древесноугольной металлургии, а вся северная лесная полоса - зоной народных промыслов и ремесел. Тут и природные, и экономические, и социальные корни. Ведь аскетизм и трудолюбие старообрядцев, поморов напоминают веберовскую протестантскую этику.

Мануфактура легко сочеталась в России с крепостным трудом, причем правительство регламентировало частное производство, запрещало увольнения и т.п. К 1825 г. до 50% работников мануфактур ещё не были вольнонаемными. В 1840-м, когда возник первый сахарный завод с паровой машиной, владельцам посессионных мануфактур разрешили закрывать предприятия, не способные конкурировать с фабрикой. Последняя требовала свободных рабочих, а их

недоставало. В Германии крестьян освободили около 1810 г., в Прибалтике как «витрине» Российской империи – к 1820. Сама Россия ждала еще 40 лет, пока Крымская война не обнажила ее военно-техническую отсталость.

Если на Западе аграрный переворот предшествовал индустриальному, если в Восточной Европе последнему сопутствовало освобождение крестьян, то в России реформа 1861 года подобна тягостной расчистке Авгиевых конюшен.

Промышленный переворот имел свою отраслевую специфику. Он начался в легкой и пищевой индустрии с их быстрыми оборотами, привлеченными русским капиталом. Тяжелая – застряла на мануфактурной стадии и после 1861 г. даже впала в кризис. Поэтому география бума оказалась рассеянной, размытой, затронув как старый мануфактурно-ремесленный (текстильный) Центр, так и черноземный (свеклосахарный) Юг. В обеих зонах, особенно во второй, индустрия часто опиралась на село, а сама — из-за низкого уровня концентрации — городов еще не порождала. На карте (Нефедова, Трейвиш, 1994, с. 5), отражающей промышленный возраст нынешних центров, период переворота в России, в отличие от Центральной Европы, оставил мало следов. Наши центры либо старше, либо (в большинстве) моложе, и расположены они гораздо реже.

Новая волна индустриализации поднялась в 1880-х гг. На юге, поражая современников «американскими» темпами, вырос Донбасс. Начался второй (кондратьевский) цикл, цикл угля и стали, хотя все с тем же полувековым лагом по отношению к Руру и Льежу, не говоря об английских аналогах (Gritsai et. al., 1992, pp. 10- 14). Зато заимствование готовых технологии и создание сразу крупных мощностей взвинтили темпы роста тяжелой индустрии. По ним и по размерам предприятий в новых отраслях, империя к концу 19 в. вышла на первое место в мире, а по общим объемам добычи угля и нефти, выплавки чугуна и т. п. сблизилась с мировыми лидерами. Но не догнала их. Ведь там пошел уже третий цикл (химико-нефте-электрический).⁵ После кризиса на рубеже 20 в. стали стремительно расти монополии. В эту волну России нырнула почти синхронно с Западом, толком не пройдя школы капитализма свободной конкуренции. Этот новый подъем сопровождался «металлизацией» Центра, химизацией Донбасса, бумом в кавказской нефтедобыче, что говорит о попытке досрочного перехода к 3-му циклу. Ее прервали революция, гражданская война и разруха.

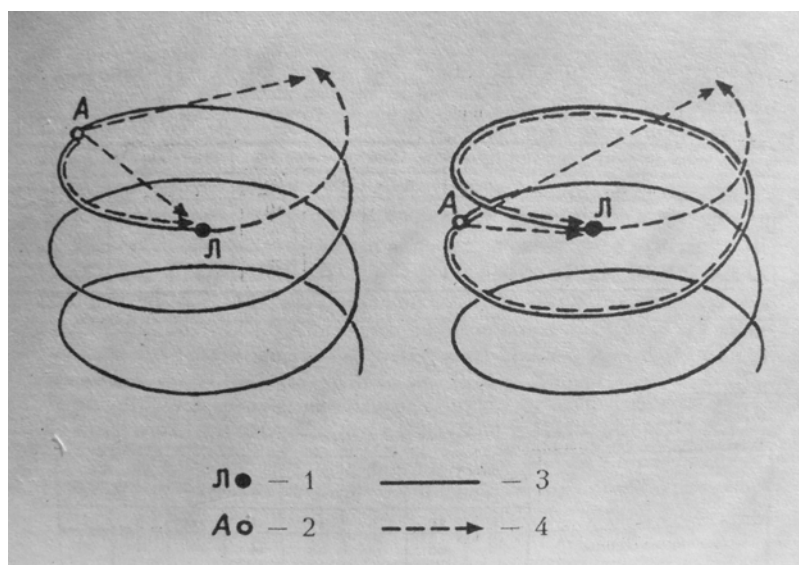
Большие скачки следовали и потом. В конце 20-х гг., говоря о необходимости индустриализации, Сталин отмечал, что Россия отстала от индустриальных лидеров на 50 лет, и предлагал преодолеть разрыв за две пятилетки, «иначе раздавят». Тяжелой ценой и не так скоро, но все равно в рекордные сроки - лет за 30-35 – очередной цикл был пройден. И к 1960-м гг. Хрущеву показалось: вот-вот догоним и перегоним. Объемы производства, технологии труда и быта тогда действительно сблизились. Однако Запад в конечном счете опять ушел вперед, и далеко — в информационные и постфордистские технологии, в малые фирмы и

⁵ Некоторые авторы выделяют до 10 таких волн, начиная с 16 века — эпохи раннеевропейского капитализма и мануфактур. Однако обычно отсчет циклов ведут от появления английских фабрик, получая к настоящему времени уже 2 — 3 технических революции и 4 — 5 циклов, по разным датировкам и с учетом (или без учета) эффекта ускорения.

Таблица 1

Группы стран	Площадь, в % к итогу			Население, 1979, в % к итогу			Плотность насе- ления, чел/кв. км		
	ц	пп	п	ц	пп	п	ц	пп	п
Шесть стран — основателей ЕС	11	38	51	28	45	27	432	200	87
Восточная Европа, включая западные республики СССР	8	33	59	20	43	37	220	111	5G
Европейская Россия	6	21	73	34	37	29	145	46	10

Как это сказалось на территории? Однажды мы попытались выделить центральные, периферийные и полупериферийные мезорайоны всей Европы (Грицай и др., 1991, с. 74-83). Несмотря на наше стремление к общим основаниям делимитации, их пропорции и внутренняя насыщенность меняются с запада на восток (табл. 1). Площади периферии нарастают, исчезают сплошные массивы полупериферии, типичные для прирейнских и приальпийских стран. Однако население сильнее сосредоточено в центрах. И плотность в них меньше отличается от западной. Национальные центры вообще склонны к гонке за мировыми лидерами, особенно в странах с «догоняющим» типом развития. Но конвергенция центров может обернуться дивергенцией периферии, зачастую избыточной у аутсайдера.

1 — исходная позиция лидера; 2 — исходная позиция аутсайдера; 3 — путь пройденный в прошлом лидером; 4 — возможные пути лидера и аутсайдера

Получается, что игра в догонялки с мировой экономикой превратилась в игру в кошки-мышки. Она то подпускала нас вплотную, то убегала вперед. Россия лишь нажила комплекс вечного студента.

Вообще говоря, в гонке за лидером возможны две тактики: побыстрее пройти тот же путь или срезать, особенно если путь извилист. Представим общую схему развития, спираль, в виде такой дороги-серпантина (*рис. 3*). Если дистанция мала, сходиться с наезженной трассы не стоит, проще прибавить скорость. Но если она велика, есть соблазн рискнуть и проложить новую, то есть обогнать не догоняя. Россия, отстав на виток, поступила так в 20 веке — свернула в социализм. Это кое-что дало, хотя мы и плутали по ухабам. Уже, было, решили, что своим маневром обходим лидеров. Но не учли: те тоже не стоят на месте, а идут вперед (причем всегда в неведомое). В итоге, прибыв наконец в искомую область индустриальной экономики, мы их там уже не застали.

И не только мы. Как видно из *табл. 2*, агрегированная восточноевропейская структура занятий 80-х гг. буквально повторяет западную, какой она была в 50-х, т. е. отстает от нее, как минимум, на 30 лет. Совпадение цифр скорее случайно, учитывая степень точности международной статистики, но весьма символично.

Таблица 2

Динамика доли занятых в основных секторах хозяйства Западной и Восточной Европы (с Европейской частью СССР) в %, округленно

Сектора	Западная Европа			Восточная Европа		
	1955	1970	1985	1955	1970	1985
I - Сельское и лесное хозяйство	20	15	10	47	29	20
II - Индустрия и строительство	42	42	33	30	39	42
III - Транспорт, торговля, услуги	38	43	57	23	32	38

Составлено по данным международной и советской статистики труда.

Таблица 3

Изменение доли трех групп промышленных районов СССР
(**З** – число занятых, **П** — продукция в текущих ценах), %, округленно

Районы	Годы (приблизительно, ближе к концу периодов)							
	1890-е *		1920-е		1950-е		1980-е	
	З	П	З	П	З	П	З	П
Старопромышленные**	53	68	55	65	44	40	31	30
Новые европейские	39	27	35	28	39	44	48	48
Азиатские	8	5	10	7	17	16	21	22

* без Польши и Финляндии

** Центр, Восточная Украина, Средний Урал, Петербург-Ленинград и Баку – по возможности в стабильных границах

Составлено автором по данным региональной статистики разных лет

Когда же мы стали индустриальной страной? Судя по союзной статистике труда, — в начале 60-х гг., когда вторичный сектор превзошел по численности первичный. В России, Эстонии и Латвии — чуть раньше, в других

республиках позже, а в Средней Азии аграрии преобладают и теперь. В ходе индустриализации менялась география промышленности: из локально-островной она становилась повсеместной. Если до 30-х гг. свыше 2/3 всей продукции давали пять старопромышленных районов, то к концу 50-х - 40%, а в 80-х - уже только 30%. Доминируют новые узлы, возникшие в европейской части в процессе широкой индустриальной диффузии (табл. 3).

А почему у нас не вышло как у Германии или Японии, тоже застрявших на старте и тоже догонявших, но гораздо успешнее? Ответов даже что-то слишком много. Тут и тяготы милитаризации, и пороки экономического механизма, и колониционный крен: свойственный большим странам синдром расширения и легкость подмены развития вглубь развитием вширь (по Ленину). Нас тащило назад и прошлое, недорешенность его проблем, особенно аграрных. К ним все равно придется кратко вернуться напоследок.

По реформе 1861 г., 80% надельной крестьянской земли осталось в общинном пользовании. Ее уравнительные переделы противостояли расслоению деревни; при первых его признаках она даже переходила от раздела по работникам к разделу по едокам. Если в Европе 12 века крестьянин, прожив год и день в городе, становился свободным и мог забыть о земле, то у нас к 20 в. отходник, живи он хоть 40 лет в Москве или Питере, все числился крестьянином такой-то деревни, волости, губернии, продлевал паспорт по почте и платил за пользование наделом, который в лучшем случае кормил его сельскую родню (Тихонов, 1978, с. 114). Если при европейской «тесноте», интенсивном хозяйстве и торговле земля была первым объектом права и купли-продажи (как продукт труда, почти ремесленное изделие), то для русских крестьян она осталась ничьей, Божьим даром.

Но как же дворянское, помещичье право частной собственности и торговли на землю и на самих крестьян в 18 — 19 вв.? А так, само по себе. Ведь тогдашняя вестернизация касалась дворян и горожан, но не крестьян. Поэтому на Севере, в Сибири и казачьих окраинах, не знавших помещиков, возникало вовсе не американское фермерство, а все та же общинная система.

Ее продолжением часто считают *советский колхозный строй*. Иные называют его вторым русским крепостничеством. Для этого есть основания, хотя тут можно выделить два равных по времени и разных по сути периода: условно 1930 — 60 и 1960 — 90 гг. Сперва государство, выжимая из села средства на индустриализацию, прибегало к квазифеодалному принуждению и контролю, причем скорее азиатского, чем западного типа. Позже оно попыталось «вернуть долги» и создать из крестьян армию наемных аграриев. Это удалось в ряде житниц и пригородных зон, где товарное хозяйство давало заработок, а снабжение — возможность его потратить. В глубинке, где нет ни денег, ни товаров, сложился тесный симбиоз колхоза личным подворьем, ключевым для выживания. Его механизм близок к старообщинному, он обычно поглощает без видимой отдачи любые внешние вложения и отторгает любые инновации (Joffe and Nefedova, 1997, Ch. 12).

С обеими традициями бороться нелегко, если не бесполезно. Между прочим, даже в бывшей ГДР, где земля возвращена старым владельцам, в

составе сельхозпредприятий по-прежнему доминируют кооперативы, составляя порой весьма жесткую конкуренцию западным фермерам...

4. Вместо заключения: где находится Восточная Европа?

Какие же общие и постоянные факторы сделали нашу цивилизацию вечно догоняющей и тем не менее отстающей? Их теперь насчитывают до пяти:

1. Природно-географический: суровый континентальный климат, краткий период вегетации (4-6 месяцев вместо 8-9) и общая рискованность земледелия, нарушающие ритмы труда и его связь с результатами. Как известно, из них выводят многие черты национального характера.

2. Геополитический: огромные размеры, землеобилие, напряжение сил для охраны равнинных границ, удаленность от морей и центров цивилизации: восточных, античных, западных (периферийность, изоляция или самоизоляция, связанная с «амбразурной» психологией).

3. Геодемографический: низкая населенность и миграционная подвижность в ходе колонизации. Ее волны (с Днепра на Оку в 10 —13 вв., на Волгу и в южные степи с 16 в., в Сибирь в основном уже 20 в.) приводили к относительному упадку старых земель, к удалению от мировых центров и к экстенсификации экономики. Кстати, они нередко предвещали и острейшие кризисы, связанные с временной дезинтеграцией страны.

4. Религиозный: контраст между греческим художественно-морализаторским и созерцательным типом культа и римским деятельным, политико-юридическим, между традицией соборного коллективизма и личной предприимчивости, разница в отношениях светской и духовной власти и т. п.

5. Социально-экономический: архаичная структура производства и экспорта (причем последняя примитивнее, «первичнее» первой, начиная с Киевской Руси и кончая современностью), долгое существование таких социальных институтов, как сословность (ее отрывкой многие считают номенклатуру), этатизм (государство — не слуга, а хозяин гражданского общества), коллектив, корпорация (община, артель, колхоз, концерн), а не частное предприятие как первичная хозяйственная ячейка.

Кому Россия все-таки ближе — Европе, Азии или самой себе? Простейший ответ: между ними (Евразия) и тем самобытна. Но тогда в какой мере это положение уникально?

Вопрос о принадлежности к более широкой общности все равно остается. Ведь отсталость и иные особенности России часто объясняют ее азиатским, восточным характером. Но эти географические эпитеты - не синонимы. У нас все же скорее **замедленный восточноевропейский**, чем азиатский (персидский, индийский или китайский) тип развития. Хотя черты сходства есть: засилье государства и общины, отсутствие городских свобод и вливание кочевников в оседлые зоны, что возрождало родовые уклады и замедляло рост феодализма (народы Урало-Поволжья и Сибири сохраняли личную свободу). Но нет такого древнеазиатского мотива централизации, как забота об оросительных системах. Азиатский феодализм

сложился раньше, а исчез позже, чем в Европе. В России же он запоздал и в начале, и конце. Как во всей Восточной Европе.

Хотя по западным меркам даже Средняя Европа, скажем от Беларуси до Румынии, в социокультурном смысле - тоже «Восток», есть еще паневропейская реальность, в которой повсюду — от Дублина до Екатеринбурга — хватает «азиатчины» и провинциализма. Ев-роконтинент напоминает головной мозг с двумя асимметричными и дополняющими друг друга полушариями. Каждый из них не самостоятелен, и только вместе они и есть Европа (Левяш, 1994, с. 19). Так что ни России, ни всей Восточной Европе нет нужды «возвращаться в Европу». Не только в географическом, но и во всех возможных смыслах они были, есть и будут в общеевропейской системе координат.

Другое дело, что восточное «полушарие» своеобразно. Среди его констант — хроническое аутсайдерство, водораздельность культуры и особый исторический фатализм. Здешнее недоверие к истории, чувство роковой ущербности, отмеченное многими авторами, связано в России с бесплодной 300-летней гонкой за лидерами, а в Средней Европе - с вечной зажатостью между Россией и Германией. Ее народы, неотделимые от истории всей Европы и не могущие без нее жить, стали словно оборотной стороной этой истории, ее жертвами и аутсайдерами (цит. по: Левяш, 1994, с. 20 — 21). Отсюда восточноевропейский менталитет, с его этатизмом, коллективизмом, противоречивым отношением к Западу (что, впрочем, типично для всей мировой полупериферии). Отсюда и известная синхронность новейших политических событий.

Но где все-таки эта Европа переходит в Западную Азию, Ближний Восток (в широком смысле этих терминов)? По-моему, очевидно, что рубежи в Европе условны и подвижны. Географически те самые «полушария», в отличие от полушарий мозга, не четко разграничены, а пересекаются в зоне от Балтики до Адриатики (см. Грицай и др., 1991, с. 67), часто переходившей от вестернизации к ориентализации и обратно. То же и с Россией: она сближалась то с Азией, то с Европой, хотя общим итогом ее трудов за последние 500 лет стал сдвиг границы последней на восток. До этого половина Русской равнины, к востоку от диагонали Харьков-Пермь, была, по словам П.П. Семенова-Тян-Шанского, этнографической Азией. Теперь это не так и до Урала, и далеко за ним. Даже Казахстан стал - не только формально, за счет кусочка территории к западу от р. Урал, а по этническому составу - евроазиатской страной. По этому признаку степень его «европейскости» выше, чем у Турции (табл. 4).

Таблица 4

Три конфессионально-этнические группы
в Российской империи и СССР, в % ко всему населению страны

Группы*	1897			1989		
	Российская Империя**	Россия***	Казахстан***	СССР	Россия	Казахстан
Европейская	75,5	86,5	14,8	74,5	86,4	51,2
Азиатская	14,5	6,7	85,4	18,2	6,5	47,2
Переходная	10,0	6,8	0,4	7,3	7,1	1,6

*К первой отнесены индоевропейцы христиане и западные финны (эстонцы, карелы); ко второй - ирано- и тюркоязычные мусульмане, калмыки, тувинцы, народы Дальнего Востока; к третьей - все остальные народы.

** Без Польши и Финляндии, с оценкой для Хивы и Бухары.

*** По кругу губерний, близкому к современным республикам

Составлено автором по материалам переписей населения.

А как было в самом начале, в Киевской Руси? ...

В.Л. Цымбурский, известный отечественный культуролог и специалист в области геополитики, считает, что крещение от Византии сделало нас частью Ближнего Востока, Передней Азии. Но в каком смысле? Если в широком, если это то же самое, что Дальний Запад Евразии или «Задняя» (она же Восточная) Европа, — то да. Византия была классической Восточной Европой раннего средневековья. А если в современном смысле, когда Ближний Восток — часть арабо-исламского мира, то вряд ли. К нему мы не принадлежали и не относимся, хотя связаны с ним даже дома и могли бы войти в него. Приняла же Камская Болгария ислам от арабских купцов на 70 лет раньше, чем Россия православие. И именно она, по легенде, прислала к Владимиру мусульман-миссионеров, когда он выбирал мировую религию.

Для современного европейца Азия в культурном смысле, видимо, начинается на границе СНГ. Но что он думает, скажем, о Словакии (классический случай из недавнего прошлого, когда культурный шов проходил внутри страны), о Петербурге и Литве, о Греции и Албании, о европейской Турции и Грузии — не очень ясно. А ведь все это и в широком смысле тоже Восточная Европа.

Стоит критически осмотреться и в приведенный перечень пяти факторов русской особенности. Что в них уникального? Климат - общий для всех северных стран. Площадь - побольше США и Канады, плотность освоения не ниже, чем у последней (населения впятеро больше). Религия - как у греков, членов ЕС. Социальные традиции - не архаичней корейских и тайваньских (а до поры и не примитивнее скандинавских). Экономика - да не слабее многих других! **В общем ничего фатального ни в одном из факторов нет;** разве что в их сочетании и в народной психологии. Однако и она меняется вместе с укладом жизни. Культур-антропологи любят приводить в пример немцев. Еще в 18 веке их считали романтиками, философами, да еще и хиляками (в прямом физическом смысле), а теперь - жесткими и спортивными

рационалистами.

В России тоже произошли огромные сдвиги, роль которых часто недооценивают. Хорошо это или плохо, но **мы уже не крестьянская страна, а промышленно-городская**. Да, тяжелое индустриальное здание не очень прочно при шатком аграрном фундаменте и худой сервисной крыше. Сельское хозяйство не может толком прокормить страну (как 200 лет английское и 50-60 - немецкое). Оно кажется безнадежным при нашем бездорожье и бедности.⁶ С другой стороны, в СССР сложилась своеобразная **инверсия третичной сферы**: её сложные научно-информационные блоки, потребные бывшей сверхдержаве, ее мощному ВПК для соперничества с Западом, явно опередили развитие элементарно-повседневных, задержав развитие сервисной экономики. Ее стихийный бум мы переживаем сегодня, вместе с торговым, банковским и прочими. Но и минувшая эпоха не прошла впустую. Она дала нам такие плюсы, как образование, квалификация, женская эмансипация, потеря которых в ходе системного кризиса может оказаться невосполнимой.

Впрочем, можно надеяться, что полной утраты этих достижений мы сумеем избежать, хотя бы потому, что они, некогда простимулированные потребностями военно-экономического характера, со временем превратились в потребности социальные, причем достаточно массовые. А у них уже иные, более надежные механизмы воспроизводства. Что же до патриархальности и крепостных пережитков, то о них можно вспоминать с ужасом или с умилением, но они так или иначе в прошлом, по крайней мере для большинства населения.

В общем все в наших силах. Как говорится, работать надо...

ЛИТЕРАТУРА

1. Блок М. Апология истории. М.: Наука, 1986.
2. Брандт М.Ю. и др., 1995. Россия и мир: Учебная книга по истории. Ч. 1. - М: ВЛАДОС.
3. Грицай О.В., Иоффе Г.В., Тревиш А.И., 1991. Центр и периферия в региональном развитии. — М.: Наука, 1991.
4. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. - М., 1991.
5. Де Бруин К., 1989. Путешествие в Московию. В кн.: Россия XVIII века глазами иностранцев. - Л.: Лениздат, сс. 17-188.
6. Ключевский В.О., 1993. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн.1. - Москва: Мысль.
7. Левяш И.Я., 1994 Средняя Европа: структура и вектор исторического выбора. - В кн.: Восточная Европа: политический и социокультурный выбор.
8. Материалы международной научно-практич. конференции. — Минск: Институт социологии АН Беларуси и др.
9. Миронов Б.Н., 1985. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII-XIX вв.). - Ленинград: Наука.

⁶ Вот, однако, приметы сельского ландшафта Западной Европы 50-х гг. в одном современном описании: хроническая бедность, плохие дороги и жилье, заброшенные земли. Автор (Fielding, 1990, p.227) так и пишет: «казалось, то были безнадежные ареалы». Л вскоре все изменилось. Конечно, и тогдашняя европейская глубинка — совсем не то, что русская; оценка относительна, идет от внутреннего основания, от состояния западных городов. А все же сравнение внушает оптимизм.

10. Неведова Т., Трейвиш А., 1994. Районы России и других европейских стран с переходной экономикой. - М.: Институт географии РАН, ЦИРЗ «Ваш Выбор».
- И. Семенов-Тянь-Шанский П.П., 1892. Значение России в колониационном движении европейских народов. В журн.: Известия имп. русского геогр. об-ва, Том XXVIII, сс. 249-369.
12. Соловьев СМ., 1993. Сочинения в 18 кн. Кн. I. Т. 1—2. — М.: Голос.
13. Тихонов Б.В., 1978. Переселения в России во второй половине XIX в. - М.: Наука.
14. Тойнби А. Дж. Постижение истории. — М.: Прогресс, 1991.
15. Чунтулов В.Т. и др., 1987. Экономическая история СССР. — Москва: Высшая школа.
16. Шелестов Д.К., 1987. Историческая демография. — Москва: Высшая школа.
17. Шпенглер О. 1923. Закат Европы. - М., Пг., Т. 1.
18. Blum, J., 1957. The rise of serfdom in Eastern Europe. — In: The American Historical Review, No. 62, pp. 807-836.
19. Boesch, H., 1964. A geography of world economy. - N.Y.-Toronto-London. Essays in European Economic History. 1500-1800 \ Earl, P. (ed.). Oxford University Press, 1974.
20. Fielding, A.J., 1990. Counterurbanisation: Threat or Blessing? - In: Western Europe: Challenge and Change \ Pinder, D. (ed.). - Belhaven Press, London and N.Y., pp. 226-239.
21. Gritsai, O., Vandermotten, C, Treivich, A., 1992. Les vieilles regions industrialisees europeennes dans la perspective historique globale des rapports «Centre-peripherie» // Revue Beige de Geographie, 1992, 1 -4, pp. 7-40, Bruxelles.
22. Horszowski, S., 1961. L'Europe centrale devant la revolution des prix — In: Annales: Economies, Societes, Civilisations, No. 3, pp. 441-456
23. Ioffe, G., Nefedova, T., 1997. Continuity and change in rural Russia. — Westview Press.
24. Makkai L., 1975. Neo-serfdom: Its origin and nature in East and Central Europe. - In: Slavic Review, No. 2, pp. 225-238.
25. Rugg, D.S., 1985. Eastern Europe. - Longman, London and N.Y.

В.Н. Стрелецкий

ЭТНИЧЕСКИЕ ОБЩНОСТИ В ГЕОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ (Историческая динамика и региональная структура)

Изучение этнокультурных взаимодействий — типично междисциплинарная проблема; не случайно на стыке этнологии и культурологии возникла особая научная дисциплина — этнокультурология. Рассмотрение же этнокультурных процессов сквозь призму геопространства, исследование взаимовлияния этноса, культуры и территории подключает сюда еще и географию, а учет временной составляющей их взаимодействия — соответственно, и историю.

Историко-географический подход к изучению этнокультурных явлений обладает огромным интегративным потенциалом и прежде всего потому, что дает возможность синтетического видения их пространственно-временной динамики в целом. В этом смысле геоисторическая парадигма — реальный способ преодолеть «асимметрию пространства и времени», столь типичную в т.ч. для исследования «чисто» культурно-исторической или, наоборот, культурно-географической направленности.

Геодинамика культуры имеет не только внутреннюю (общественную, социальную в широком смысле) детерминацию, но и отражает характер этногенеза — процесса биосоциального, неразрывно связанного с ландшафтами Земли. В свою очередь, этническая самоидентификация, стереотипы этноповедения, ментальность народов есть феномены не чисто этнические, но именно этнокультурные, т.е. являются результирующими процессов этногенеза и культурогенеза.

Важнейшими элементами того или иного геокультурного пространства (ГКП) являются сами носители культуры — люди и их общности. Во-первых, это этнические общности — этносы, субэтносы, этнодисперсные группы — т.н. рассеянные (не образующие территориальных целостностей) этникосы (термин Ю.В. Бромлея, см.4). Во-вторых, это региональные общности — связанные единством проживания в определенном регионе группы людей, обладающие своим собственным культурным самосознанием и противопоставляющие себя другим таковым общностям в силу различий в образе жизни, ментальности, привычках, традициях, поведении и особенно — в силу различных (региональных) интересов. В-третьих, это городские общности — социокультурные группы, формируемые специфическими условиями урбанистической среды и отличающиеся поэтому особым динамизмом в развитии.

Разумеется, данный перечень можно продолжить, ибо в ГКП действуют и другие субъекты. Таковы, например, конфессиональные общности, часто «маркирующие» его характер. Также ими могут выступать разного рода социально-профессиональные, сословные, классовые, кастовые, корпоративные, демографические и иные группы.

Изучение исторической географии отечественной культуры немыслимо без выявления роли этих общностей в динамике ГКП России. Разумеется,

это лишь один из аспектов исследования культурного ландшафта: не менее важны и работы по исторической географии объективированной культуры - материальной и духовной. И все же данный аспект — ключевой. Ведь именно люди, а не вещи и не творения человеческого духа - центральное звено культурного процесса. Само понятие «регионализм» наполнено глубоким культурным смыслом. Как феномен культуры «регионализм» не тождествен региональной специфике вообще. Он существует в сознании людей, его нет у грунтовых вод, молельных домов или транспортных сетей как таковых.

Важность этнокультурного среза в исследовании динамики ГКП России диктуется мозаичностью этноландшафта страны, симбиотическим базисом российской культуры, колоссальными различиями (как стадиальными, так и типовыми, социокультурными) между этническими группами в образе жизни, хозяйственном укладе и степени национальной консолидированности, огромной ролью этнического фактора в сохранении многообразия хозяйственно-культурных типов, некоторые из которых (особенно у народов и племен Севера, Дальнего Востока, Кавказа) отражают специфические, присущие только им и вырабатывавшиеся поколениями способы адаптации к окружающей среде.

Важность регионально-культурного среза в исследовании ГКП России диктуется огромной протяженностью страны с севера на юг и особенно с запада на восток, нашедшим отражение в характере культурогенеза ее природно-ландшафтным разнообразием, хозяйственно-культурной обособленностью различных частей страны, выдающейся ролью колонизации в формировании локальных субкультур, различиями региональных интересов и их проявлениями в сознании людей. Важность урбокультурного среза в исследовании ГКП России диктуется решающей ролью городов как очагов модернизации, быстрой, хотя и поздней урбанизацией страны в XX веке, ее воздействием на ранее сложившийся, преимущественно сельский, культурный ландшафт, особой интенсивностью социокультурных и этнокультурных взаимодействий именно в городах, выравниванием культурных различий между территориальными общностями людей по мере распространения городского образа жизни, и одновременно — способностью крупных городов внутренне консолидировать территориальные, урбо-сельские общности. И главное — это диктуется логикой исторического процесса — превращением России из страны преимущественно сельской в страну преимущественно городскую.

Данная статья нацелена на историко-географическом анализ менявшейся роли этносов и этнических групп в ГКП России. Роль других субъектов ГКП затрагивается здесь лишь отчасти, сквозь призму взаимодействия этносов и культур.

РОССИЯ КАК ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ РЕГИОН

Колоссальные размеры территории, ее природное разнообразие и положение страны на стыке разных культурных миров предопределили особую сложность этно-цивилизационной истории России. Миграции

разноязычных народов, их смешение и чересполосное расселение, колонизация новых земель приобрели здесь значение ключевых факторов. Однако в отличие от США — классического «тигля», сплавливающего в единую культуру разнородные этнические элементы, Россия (особенно в имперский период) в этнокультурном отношении была больше конгломератом, чем «плавильным котлом»; черты факто-точности сохраняет и ГКП Российской Федерации.

Способ «включения» России в мировой геокультурный процесс самобытен и вместе с тем противоречив. Не случайно до сих пор не стихают научные споры о ее судьбах, в основном укладывающиеся в русло четырех потоков историософской мысли.

Россия — Запад. Эта точка зрения обосновывается обычно ссылками на местонахождение исторического ядра страны, христианское (православное) вероисповедание большинства населения, его европейский (расовый и этнический) субстрат, включенность русской культуры в общеевропейский культурный процесс еще со времен Киевской Руси. По мнению «западников», Россия есть периферия Европейской цивилизации, в силу особо неблагоприятных условий (природных и социальных) задержанная в своем развитии по тому же историческому пути, что и Западный Мир. Но претендуя (обоснованно или нет) на выявление вектора исторического развития России, западнические теории мало продуктивны при поиске его цивилизационных оснований, тем более в этно- и геокультурном аспекте.

Россия — Восток. Данная концепция фиксирует давнюю «прививку» в России достижений азиатских цивилизаций, многие восточные корни русской культуры, близкую восточным обществам модель генезиса государства, а также своеобразие восточно-христианского, византийского наследия, столь отличного от западного. Нередко внимание акцентируют и на оппозиции Европы и России, якобы извечно враждебных друг другу. Однако на самом деле ничуть не меньше исторических свидетельств выполнения Россией и барьерной функции на стыке Запада и Востока. Отношение же России к Востоку столь же амбивалентно, как и к Западу — здесь имели место не только культурная диффузия, но и противостояние (тем более что географическом, культурно-цивилизационном контексте понятие «Восток» для России разнороднее, чем «Запад»).

Россия — мост между Западом и Востоком. В этой трактовке она соединяет разные цивилизации. Положение России на их стыке» ярко охарактеризовано словами В.О. Ключевского: «Исторически Россия, конечно, не Азия, но географически она не совсем и Европа. Это переходная страна, посредница между двумя мирами» (14, с 65) Концепция «моста» хорошо отражает синтетический, западно-восточный характер российской цивилизации, но при этом отводит ей роль главным образом посредника в диалоге культур (да и сами размеры российского «моста» порождают скепсис).

Россия — Евразия, отличная и от Европы, и от Азии, от Запада и от Востока. По мнению евразийцев (П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой Г.В. Вернадский и др.), Россия — это самобытный и органичный цивилизационный

ландшафт, представляющий по выражению главного теоретика движения, географа и экономиста П.Н. Савицкого, целостный и совершенно самостоятельный «континент — океан» (19) С позиций культурной географии, евразийская концепция России выглядит намного убедительнее и привлекательнее. Ее уязвимые стороны связаны с недоучетом общечеловеческих элементов в национальных культурах классиками и особенно эпигонами евразийства. Но именно в исследовании специфики цивилизационного, геокультурного, этнокультурного пространства России евразийцы ухватили то, мимо чего в свое время прошли славянофилы и западники, симбиотику российской культуры. Последняя не сводима не только к противопоставлению Запада Востоку, но и к формуле «и Запад, и Восток». Она выработала свой собственный генетический код, восприняв влияние Юга, Востока и Запада — наследие византизма, привнесенные из Азии традиции степной цивилизации и — особенно с Петровской эпохи — пласты европейской городской, преимущественно светской, культуры.

Физико-географические зоны, протянувшиеся через всю Россию в широтном направлении, одновременно являются культурно-хозяйственными макрообластями. Покрытая мхами и лишайниками тундра является периферией ГКП — консервативной в исторической динамике, вследствие относительной устойчивости архаических хозяйственно-культурных типов у самодийских, чукотско-камчатских, эскимосско-алеутских народов России, слабой атрактивности этой природной зоны для этносов лесной и степной полосы. Взаимосвязь этноса, культуры и территории проявляется здесь особенно выпукло, ибо различия между русскоязычными поселенцами и туземными охотниками и оленеводами суть различия как культурные, так и этнические.

В лесной и степной зонах эта взаимосвязь носит менее очевидный, но более сложный характер. Культурные различия между людьми здесь меньше совпадают с этническими, зато поле этнокультурных взаимодействий намного шире и многообразнее. Хвойная тайга и протянувшиеся южнее, местами вплоть до 47° — 50° с.ш. смешанные и лиственные леса — крупнейший в мире лесной массив. По аналогии с Великой Степью, это своего рода Великий Лес — экологическая ниша, в которой возникла и выросла Российская цивилизация. Зародившаяся в историческом ядре от лесостепей Поднепровья до дремучих лесов Приильменья, она оказалась способной к целенаправленному культурному освоению лесных ландшафтов на огромном пространстве Северной Евразии. Именно в лесной и примыкающей лесостепной зоне, концентрирующей большинство населения страны и более урбанизированной, сосредоточены ее крупнейшие города. Но и русская сельская культура преимущественно лесного и лесостепного пояса. С распадом СССР Россия стала государством гораздо более северным, чем бывшая Империя. «Лесная» составляющая в ее сельской культуре резко выросла, тем более что страны южного фланга СНГ менее урбанизированы, чем РФ.

Наконец, Евразийская Степь — гигантская равнина от Дуная до гор Монголии. В РФ она входит лишь своим крайним северным флангом, но в

общероссийский геокультурный процесс была вовлечена гораздо большая ее часть. В прошлом Евразийская степь представляла собой пояс в основном кочевых культур, волнами сменявших друг друга в ходе миграций и смешений ирано-, тюрко-, монголоязычных народов (правда, и земледельческие культуры известны в южнорусских степях кое-где с бронзового века). По степные основания русской культуры это далеко не только заимствованные, впитанные, переработанные «азиатские» элементы, но и собственные корневые пласты. Соприкосновение со степью — необъятной и привольной — открывало русским путь заманчивой и удобной колонизации. Она стала второй после леса — ландшафтной «стихией» русской культуры, а историческим и географическим продуктом степи явился особый, специфический регионально-культурный тип (не случайно этнографы XIX в. членили восточных славян на великороссов, малороссов, белоруссов и еще новороссов — жителей главным образом южнорусских степей). Урбанизация и индустриализация России в XX в. не обошли стороной и ее степную полосу, но именно здесь слабее, чем в других регионах, проявился их социокультурный пресс, благодаря чему культурная специфика Юга России была размыта в меньшей степени.

ЭТНИЧЕСКОЕ РАССЕЛЕНИЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ ГКП РОССИИ

В изучении этнокультурных истоков Российской цивилизации еще пока сохраняются «белые пятна» и дискуссионные моменты. Ее первичный территориальный очаг (историческое ядро) отождествляется одними авторами с геопространством Киевской Руси, другими лишь с северо-востоком Древнерусского государства (Окско-Волжское междуречье) либо со всем его северным флангом (включая Новгородскую Землю). Принципиальным является вопрос не только о географических контурах этого ядра, но и о самом этнокультурном субстрате генезиса Российской цивилизации — о соотношении в нем славянских и неславянских элементов, степени преемственности древнерусского и великорусского этносов, взаимосвязи этнических и конфессиональных детерминант цивилизационного развития и т.п. Домонгольская Русь, в ГКП которой доминировали процессы этноплеменной консолидации, еще не знала деления на Русь Великую, Малую и Белую. Вместе с тем, черты племенной культуры проявлялись у восточных славян вплоть до монгольского нашествия и даже позднее. Хотя древнерусскую культуру иногда ошибочно отождествляют с восточнославянской, в ее создании участвовали разные этнические общности — славянские, угро-финские, балтские (летто-литовские) племена, а в южных и юго-восточных районах Киевской Руси — также ирано-, иберо- и тюркоязычные народы Предкавказья и Великой Степи; в военно-бытовой и обрядовой культуре племенной аристократии Древней Руси велика роль заимствований германо-скандинавского происхождения.

Материальная и духовная культура Руси домонгольского периода, особенно на его первых этапах, включала т.о. генетически и этнически разнородные пласты, с далеко не повсеместным преобладанием славянских компонентов (угро-финские преобладали в Северо-Восточной Руси, балтские — между Западным Бугом и Припятью). Происхождение тюркских элементов в

древнерусской культуре связывают как с периодами военных столкновений и политических контактов Руси с кочевниками Великой Степи (хазарами, огузами, печенегами, половцами и др.), так и с завязывавшимися торгово-хозяйственными связями. С большинством тюркских этносов таковые носили эпизодический характер, с мусульманской Волжско-Камской Булгарией и Половецкой степью — более регулярный.

Этнокультурная гетерогенность ГКП Киевской Руси органично дополнялась социокультурной (оседлый, кочевой, бродячий образы жизни) и экономико-технологической (хозяйственно-культурные типы пашенных земледельцев, скотоводов, охотников и собирателей).

Укоренение славянского языка в ГКП Руси было одним из важных факторов этнокультурной консолидации, но еще больший консолидационный эффект имело распространение византийского православия, ставшего культурной, ценностной и информационной доминантой Древнерусской цивилизации, а также основой государственного строительства и этнополитической интеграции племенных групп.

Качественная реструктуризация ГКП Руси происходит в XIII — XV вв. Присоединение западнорусских и южнорусских земель к Великому княжеству Литовскому и превращение Северо-Восточной Руси в вассала Золотой Орды привели к разрыву древнерусской метаэтнической целостности; этногенез славянских народностей Литовской Руси (будущих белорусов, украинцев) и Московской Руси («месторазвития» великорусского этноса) идет с этого времени различным путем. Сложившееся в XIV — XV вв. ядро Великороссии было образованием с бесспорной славянской этнической доминантой, включавшим иноэтнические анклавы племен в основном финского происхождения, постепенно ассимилировавшихся великороссами.

В свою очередь, сами великороссы испытали сильное воздействие со стороны народов Великой Степи. Диапазон мнений о тюрко-славянских этнокультурных связях в эпоху Золотой Орды и складывания Московского государства чрезвычайно широк: от выводов об их огромном, а то и решающем влиянии на этногенез великороссов, российскую культуру и государственность (1;3;10) до утверждений, что этнические смешения русских с ордынцами происходили в основном путем аристократических браков и мало затронули массы народа, а представление о большой доле «татарской крови» в русских — не более, чем миф (22).

Но геокультурная роль славяно-тюркских взаимодействий в любом случае несомненна. Культурно-географические последствия русско-тюркского симбиоза проявились отчетливее, чем чисто этнические. Именно ориентализация северо-востока Древней Руси явилась ключевым фактором геопространственного раскола в Восточнославянском Мире. Благодаря симбиозу с Ордой, Русь была вовлечена в культурную орбиту самых разных цивилизаций Востока. Хотя в Орде монголы составляли меньшую, привилегированную верхушку, постепенно тюркизовавшуюся, влияние Монгольского Мира на формирование ГКП Московской Руси (в отличие от Литовской Руси и Новгородских земель) также бесспорно. Однако монголо-татары принесли на Русь не только свои военно-кочевые традиции, но и заимствованные элементы

китайской культуры, идеологии, политико-административной системы управления. Наконец, в конце XIV — XV вв., после утверждения в Золотой Орде ислама, новым вектором ориентализации Московской Руси становится влияние Мусульманского Востока. Этническая и конфессиональная близость золотоордынских татар с тюркскими народами Средней Азии теперь существенно облегчала «трансляцию» культурных традиций и эталонов Исламского Мира в ГКП Московской Руси. Но возникнув на стыке разных этнокультурных потоков, она осталась, тем не менее, страной славяно-христианской, и значение восточных черт в ее культуре того периода все же не следует преувеличивать.

До присоединения в середине XVI в. к Московскому государству Казанского и Астраханского ханств великороссы составляли 90 — 95% его населения. Но в XVI — XVII вв. территория страны многократно увеличивается за счет колонизации Поволжья, Подонья, Степного Кавказа, а затем Урала, Сибири. Россия из страны мононациональной превратилась в полинациональную, ГКП которой распалось на великорусское, быстро растущее мегадро и иноэтнические регионы, в т.ч. те, где доля русских составляла ничтожный процент. Великорусское мегадро — сплошной, обширный массив территории в европейской части страны — за Уральским хребтом сужалось наподобие клина, а от Тобольска через Иркутск до течения Амура протянулось в виде Сибирской макрооси расселения с отходящими от нее к северу и югу «ветвями» в пределах речных бассейнов.

Гигантское расширение ГКП России всего за полтора столетия — феномен, не имеющий исторических аналогов. Попытки отождествления колонизации Сибири русскими с колониальной экспансией европейских держав в Америке, Азии и Африке не слишком убедительны. За исключением покорения Ермаком Сибирского ханства (юг Западной Сибири), этот процесс преимущественно носил мирный, освоенческий характер; в Сибири продолжалось формирование национальной территории великороссов. Отечественными историками и географами часто акцентируется внимание на социальных факторах освоения Сибири (помещичий гнет в Центральной России, бегство крестьян от крепостного нрава); особенно это характерно для советских авторов (17). Но антифеодальный протест был лишь одной из движущих сил колонизации, и далеко не всегда главной (тем более, что в XVII в. большинство землепроходцев было родом со старого Русского Севера, почти не знавшего крепостничества). Другими исследователями подчеркивается, что переселенческие движения в Сибирь были отнюдь не стихийными (15), а царское правительство осуществляло целенаправленную программу открытий, заселения и освоения земель на востоке.

Наконец, «евразийцы» видят в продвижении русских вглубь континента естественный социокультурный вектор пространственного развития Российской цивилизации. Колонизация Сибири русскими означала «осознание ими своего месторазвития» (7), вхождение России в свои естественные географические границы — и физико-географические, и культурно-географические (цивилизационные). Связь разных этнических общностей со своими, им привычными (по терминологии Л.Н. Гумилева «кормящими») ландшафтами

проявилась здесь особенно выпукло. Русские в Сибири, так же как и в историческом Центре страны, особенно плотно заселяли речные долины, угро-финны и украинцы — водораздельные пространства (первые — в лесной полосе, вторые — в лесостепной и степной), тюрки и монголы — степи, палеоазиатские народы — тундру (11). В ГКП России-Евразии каждый этнос нашел т.о. свою экологическую нишу.

Освоение Россией азиатских земель знаменовало собой смену главного вектора этнокультурных потоков в Евразийском пространстве: в эпохи тюркской, а затем монгольской экспансии он был направлен из Великой Степи, с востока на запад, теперь же инициативу этнокультурной и этнополитической интеграции Евразии взяли на себя русские. Можно говорить о новом, очередном ее историческом витке, но ее географический центр тяжести теперь сместился из Евразийской Степи в более северные регионы. Иной стала и ее экономическая основа — не кочевое скотоводство, а пашенное земледелие.

Единство Евразийского пространства скреплялось факторами территориального соседства огромного количества взаимодействовавших этносов, нараставшей век от века чересполосицей этнического расселения и связанной с этим взаимной аккультурацией. Пропорция между русскими и коренными народами в районах колонизации неуклонно менялась в пользу первых (подробнее см.: 5;6) на протяжении всей истории Русского государства и Российской Империи (доминирующей эта тенденция осталась и в советскую эпоху). Так, например, в Сибири к концу XVI в. русских переселенцев было в четыре раза меньше, чем аборигенов, в середине XIX в. они насчитывали уже 70% жителей региона, а в настоящее время из примерно 32 млн. сибиряков русские составляют более 90% (совокупная же доля славянского населения в Сибири еще выше).

Однако в освоении необжитых земель участвовали не только славянские, но и другие народы (наиболее активно — урало-поволжские). Особенно усилилась гетерогенность этнического состава колонистов в имперский период — с середины XVIII в. и гл. обр. в XIX в., когда, вслед за миграциями великороссов, произошло резкое расширение ареалов расселения украинцев, немцев, татар, марийцев, мордвы, чувашей, башкир (8), сопровождавшееся пространственной дисперсией и смешением этнических групп. В свою очередь, и историческое ядро Великороссии становилось все менее гомогенным за счет усиливавшейся этнокультурной диффузии. По мере усложнения этнического состава населения страны, стали закладываться основы российской политики в национальном вопросе (таковая не столько вырабатывалась на государственном уровне специально, сколько формировалась спонтанно, методом «проб и ошибок», в зависимости от исторической, этнокультурной, геополитической ситуации). Раньше других в ее орбите оказались финно-угорские и тюркские народы Урало-Поволжья, включенные в Московское царство гл. обр. в XVI в. (финноязычные племена Северной и Восточной Руси, ранее вошедшие в состав ростово-суздальских, московских, рязанских, новгородских земель, к этому времени в основном были уже ассимилированы); несколько позднее — этносы Предкавказья и туземцы Сибири. Неодинаковая степень социокультурной сближенности этнических групп с русскими стала не менее важным фактором

культурно-географического разнообразия России, чем динамика и география этнического расселения. Огромное значение имели прежде всего христианизация нерусских народов, приобщение их к русскому языку и русской культуре, широкое распространение смешанных браков (особенно их много было в XVII — XVIII вв. в Сибири, вследствие малого числа женщин-переселенок), разрушение автохтонных социальных структур либо их сближение с общероссийскими.

Главным звеном, цементирующим целостность мира России-Евразии, безусловно, являлось православие. Не случайно именно народы, сохранившие свою конфессиональную аутентичность, слабее и медленнее в него интегрировались, чем принявшие православие. Таковы татары и башкиры, сохранившие культурную ориентацию на Мусульманский Восток, и народы буддистско-ламаистского цивилизационного круга — калмыки, тувинцы, буряты (но по мере распространения среди последних христианства их социокультурная дистанцированность от русских постепенно ослабевала).

Объединение разноразличных племен и народов под эгидой России специфически отразилось на процессах этнической консолидации и ассимиляции в Евразийском пространстве. С одной стороны, «подключение» к Российской цивилизации родоплеменных и локально-территориальных групп с несформированным или размытым национальным самосознанием (нередко замещавшимся конфессиональным или клановым) ускорило консолидацию ряда этносов вследствие роста коммуникационных связей между родственными группами. Еще в XIX — начале XX вв. такие сравнительно крупные сибирские народы, как, например, хакасы и алтайцы, представляли собой лишь множества родоплеменных групп, не все из которых были близки друг другу даже этногенетически (так, разные группы будущих алтайцев имели не только тюркское, но и монгольское, самодийское, угорское и даже кетское происхождение). Этническая консолидация некоторых народов Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Севера не завершена и по сей день (16). С другой стороны, инкорпорация в состав России стимулировала ассимиляцию многих этнических групп русскими.

Несмотря на этноконсолидационные и ассимиляционные процессы, в составе многих коренных народов Евразии сохранились т.н. этнотрадиционные (этнографические) группы — горные и луговые марийцы, мордовские субэтносы эрзя и мокша, восточные тувинцы (тоджинцы) и западные тувинцы, и т.д. Наряду с сохранением этнотрадиционных групп, в ходе взаимодействия локально-территориальных и племенных общностей уже в Российской Империи сложились и новые внутриэтнические группы (анат-енчи у чувашей, уфимские татары и др.). Переструктуризация ГКП происходила и вследствие межэтнической миксации, хотя последняя получила меньшее распространение, чем этноконсолидация и ассимиляция. Так, этнокультурные взаимодействия удмуртов с тюркскими народами привели к возникновению этнической группы бесермян, мордвы с татарами — каратаев. Нередкими были и случаи, когда и русские переселенцы перенимали этнические черты автохтонных народов, нормы и ценности туземной культуры. Так возникли, например, обьякученные амгинские, олекминские, мархинские этнографические группы русских

крестьян-земледельцев и ямщиков в Северной Якутии (20) и др.

Появились специфические этноконфессиональные, этносословные и др. группы. Таковы, в частности, т.н. крещенные татары (кряшены, нагайбаки), обращенные в православие в XVI—XVIII вв. и выработавшие отличное от татаро-мусульман самосознание. Или другой пример: тептяри — осевшие на северо-западе Приуралья переселенцы из Среднего Поволжья, выплачивавшие местным вотчинникам оброк за пользование угодьями в качестве припущенников (среди них были татары, башкиры, чуваша, удмурты, марийцы, мордва, бесермяне; в дальнейшем у них постепенно утрачивалось сословное самосознание и возникли элементы этнического, а финноязычное население среди тептярей ассимилировалось тюркоязычным).

Как этносословная общность (военно-служилое сословие) возникло и русское казачество, вобравшее в себя как вольных крестьян, бежавших от помещичьей кабалы, так и расселяемых на новых землях государственных крестьян, а также местное население степей (9). Казачьи области сложились на Дону, Кубани, Тереке, Волге, Яике (Урале), почти всей полосе южной Сибири, на Днепре. В происхождении казаков многое неясно. Есть точка зрения, что этногенетически они — не славяне, а потомки половцев и других тюрков Великой Степи, принявших православие, сменивших язык и присягнувших московскому царю (1). Большинство ученых она не разделяется, но участие тюркских, равно как и автохтонных северокавказских этнических элементов в генезисе казачества не вызывает сомнений. Да и славянские корни различных региональных групп казаков весьма неоднородны (так, большинство донских казаков относит себя к русским, кубанских — к выходцам с Украины).

Преобразование России в многонациональную страну означало не только кардинальные сдвиги в этнической структуре, но и качественную трансформацию всего ее культурного ландшафта. В процессе взаимодействий и контактов этносами России вырабатывался (при сохранении этнической специфики) общий слой культуры, образа жизни и поведения. В меньшей степени это прослеживается и в хозяйственной деятельности. Так, русско-тюркский этнокультурный симбиоз имел и экономическую составляющую, благодаря обмену технологическими навыками, хозяйственным опытом и продуктами труда между земледельцами и скотоводами. Даже вступая в контакты с аборигенами Сибири, заметно уступавшими им по уровню экономического и культурного развития, русские перенимали местный опыт и существенно расширяли спектр хозяйственных занятий по сравнению со сложившимися в Европейской части страны традициями и привычками. Разумеется, обратной стороной этнокультурных взаимодействий были вымывание многих традиционных пластов национальной культуры, утрата этнических корней, русификация малочисленных народов и племен. Эти процессы ускорились с развитием урбанизации: представители коренных этносов, отрываясь от «народных корней», теряют связь с национальными традициями и быстрее ассимилируются.

В целом же, этносы Поволжья, Урала, Сибири, имевшие более длительную историю культурных контактов с великороссами, инкорпорировались в ГКП страны значительно «плотнее» и органичнее, чем народы иноцивилизационных

регионов и стран, присоединенных к Российской Империи в XVIII —XIX вв. Последняя, в отличие от допетровской России, являла собой скорее этнокультурный конгломерат, нежели единый и целостный цивилизационный ландшафт.

С середины XVII в., по особенно в XVIII — начале XIX вв. в Россию вошли восточные и центральные области Речи Посполитой и «остзейские» территории, принадлежавшие в цивилизационном отношении не к Евразии, а к Западному Миру, либо, по крайней мере, испытывавшие в прежние века его мощный социокультурный пресс (большинство районов Украины, Белоруссии). В ГКП России влились большие группы нерусского славянского населения, евреев, немцев, народы Прибалтики. Этнические пропорции в составе населения страны в XVIII XIX им. резко изменились (так, к началу Первой мировой войны вторым по численности этносом Империи являлись украинцы, третьим — поляки). Следствиями этих геополитических и этноструктурных сдвигов, сопровождавших (начатую еще реформами Петра Великого) модернизацию и вестернизацию страны, ее медленный, но устойчивый цивилизационный «разворот» в сторону Европы, стали в т.ч. перераспределение ее социокультурного потенциала в пользу западных районов с их давно укоренившимися традициями городской жизни и более высокой плотностью урбосети, нарастающее проникновение европейской светской культуры в ГКП России.

Уже включение в состав Российской Империи иноэтнических западных провинций придало ей некоторые черты конгломерата И все же в Европейской части страны отмечалась высокая степень этнокультурной интеграции ядра Великороссии, Малороссии, Белоруссии, Новороссии — макрорегионов, как раз определявших цивилизационную специфику «большой» (имперской) России. Этому способствовали православная вера, единство этнического происхождения и общие корни культуры русских, украинцев и белорусов, тесное этнокультурное взаимодействие этих народов, облегченное в условиях единого государства. Миграции из Центральной России привели к укоренению на западе и юго-западе страны русских поселенцев и русской культуры, а украинские, белорусские, немецкие, польские мигранты оседали в Великороссии, перенося туда элементы своих национальных культурных укладов, но сравнительно легко поддаваясь ассимиляции русской этнокультурной среде. Последний процесс был, однако, далеко не повсеместным. Так, прибалтийские народы оставались вплоть до (первого) обретения независимости Литвой, Латвией и Эстонией сконцентрированными в основном в пределах своих главных этноареалов расселения. До начала XX в. незначительным было в Великороссии и еврейское население, ограниченное в своем расселении районами к западу от т.н. черты оседлости, контур которой близок современной границе РФ с Украиной и Беларусью.

Конгломеративный характер Российской Империи значительно четче стал вырисовываться по мере её колониальной экспансии на южном и юго-восточном направлениях, принесшей ощутимые территориальные приобретения уже в конце XVIII в., а в XIX в. достигшей своего апогея. «Переселенческая» колонизация дополняется в этот период «колонизаторством» установлением

государственного контроля (военного, политического, административного, полицейско-бюрократического, по возможности экономического и культурного) над туземными территориями с нескольких (и как правило, небольших по размерам) колониальных плацдармов, становящихся опорными пунктами каркаса ГКП в иноэтнической среде. В основном таким путем шла русская колонизация Туркестана и Закавказья, а также Горного Северного Кавказа, вызвавшая упорнейшее сопротивление его свободолюбивых народов (Кавказские войны). Узлы такого колониального по генезису каркаса сохранились до наших дней в виде преимущественно русскоязычных по составу населения столиц северокавказских республик РФ (правда, в 1990-е гг. доля русских в них быстро сокращается).

Роль этнических общностей в геодинамике отечественной культуры советского периода уже достаточно широко и подробно освещена в литературе, в т.ч. и в исследованиях комплексного характера (21), и здесь мы ограничимся лишь несколькими ремарками. За годы советской власти произошла крупномасштабная структурная перестройка ГКП. Наряду с факторами объективными и закономерными (естественным ходом этнонациональных процессов, урбанизацией, индустриализацией и т.п.), она в гораздо большей степени, чем в дореволюционной России, была обусловлена и факторами субъективного порядка, в т.ч. национальной и культурной политикой со всеми ее «плюсами», «минусами» и попросту уродливыми, деструктивными проявлениями (депортации народов, гонения на конфессии, разрушение традиционной культуры и т.н.). В территориальном аспекте особенно важные этнокультурные последствия имело проведенное большевиками национально-государственное размежевание — «федерализация» страны по национальному признаку (в политике оставшаяся полной фикцией, но существенно повлиявшая на национально-культурное строительство) и появление национальных автономий.

Вместе с тем, в известном смысле значение этнических факторов в формировании культурного ландшафта страны в XX в. упало. Урбанизация ускорила «вертикальную» поляризацию ГКП, и по мере социальной (урбо-сельской) стратификации пространства ускорилось «выклинивание» местной культурной специфики, тем более что территориальная мобильность населения в процессе индустриализации и урбанизации заметно выросла. Этнические различия остались в СССР одним из ключевых факторов культурно-территориальной дифференциации, и все же отмечалась тенденция к унификации образа жизни и культуры ряда этнических групп, особенно в крупных городах с их повышенным потенциалом коммуникационного поля.

Для советского периода, особенно для 1920—1950-х гг., чрезвычайно характерны были массовые миграции русского (и т.н. русскоязычного) населения в бывшие «национальные окраины» и анклав, в которых до революции оно составляло незначительную долю. Особенно большой приток отмечался в Среднюю Азию, Казахстан, Закавказье, республики Северного Кавказа, в которых, за редкими исключениями, русские стали вторым или даже первым по численности этносом (лишь с 1970-х гг. сальдо их миграций стало там отрицательным), а в послевоенные годы в Прибалтику и ряд других районов Европейской части за пределами РСФСР (подробнее см.: 6; 12 и др.).

Существенно изменился этнический состав населения не только союзных республик, но и автономии в РСФСР. В некоторых из них этнические пропорции поменялись на 180°. Так, по переписи 1926 г. русские составляли в Якутии около 10%, в Коми АССР - 6,5% 1989г – соответственно более 50% и 58% (13). Вообще, в связи с индустриальным освоением, сильно выросла численность и доля русского населения во всех северных республиках и автономных округах России. В кавказских автономиях РСФСР доля русских стремительно выросла в предвоенные годы, затем стабилизировалась и начала сокращаться, причем в 1980-е гг. русское население уменьшилось уже и абсолютно (исключая Кабардино-Балкарию) – изменение этносоостава населения происходило по типичному для Юга СССР сценарию.

В связи с распадом СССР исследование роли этнических общностей в ГКП страны приобретает еще одно, новое измерение. Единое государство го распалось, но дезинтеграция общего ГКП процесс несоизмеримо более длительный; этнокультурное присутствие России в Ближнем Зарубежье так или иначе сохраняется. Вместе с тем, распад Советского Союза вывел за рамки России страны разного цивилизационного круга. Уход Украины и Белоруссии (по крайней мере, в национально-государственном измерении) ослабил европейский фланг Евразийской цивилизации; Прибалтика же даже в период пребывания в составе России и СССР тяготела, в цивилизационном аспекте, не к Евразии, а к Европе. Христианские страны Кавказа, также принявшие эстафету от Византийского Мира, образуют фактически особый, отличный от России, очаг евразийства. Среднеазиатские же республики и Азербайджан даже в составе СССР в культурно-географическом отношении гораздо больше представляли собой мир «исламский», чем «советский», что облегчает их дальнейшую ориентализацию и интеграцию с другими мусульманскими странами после распада Союза. В этом смысле современная РФ, границы которой близки рубежам России предимперского периода (конец XVII в.), как держава евразийская – намного более прочное образование, чем распавшийся СССР.

ЭТНОРЕГИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ГКП РОССИИ

Подобно бывшей Российской Империи и распавшемуся Советскому Союзу, Российская Федерация страна полиэтническая. Одних только народов с населением свыше 100 тыс. чел. в ней насчитывается почти четыре десятка. Однако доля крупнейшего этноса в населении РФ составляет около 82%, что является исключительно высоким, редчайшим показателем для полиэтничных стран (в постсоветском же пространстве он выше лишь в Армении и Азербайджане). Культурно-географическим выражением данного противоречия (мононациональная доминанта versus полиэтничность) являются выдающаяся роль русского мегаядра как этнокультурного «фокуса» ГКП и колоссальные масштабы этого мегаядра, превосходящего этнические анклавы и «национальные окраины» и по площади демографическому потенциалу. На протяжении нескольких веков происходило не просто расползание мегаядра, но и постепенная русификация иноэтнических ареалов. Грань между ними все более размывалась, и сегодня ни административный статус последних, ни статистика этнического расселения в пределах России и бывшего СССР не могут

служить надежными критериями их «жесткого» разграничения; между мегаядром и иноэтническими территориями пролегают не столько четкие этнокультурные барьеры, сколько переходные контактные зоны.

Культурно-географический профиль мегаядра России чрезвычайно своеобразен. Преобладание у русских общенациональных черт над локальными иногда интерпретируется как аспатиальность русской культуры — т.е. слабость (или отсутствие) ее реакции на фактор пространства, однотипность геокультурных проявлений в самых разных точках. Можно проехать всю Россию от Калининграда до Владивостока и не почувствовать большой разницы в образе жизни русских, национальном характере, русском языке, особенно среди горожан. Хотя сама концепция аспатиальности мне не кажется убедительной (культура, самоорганизуясь в пространстве, не может быть «аспатиальной»), в ней есть рациональное зерно — она точно фиксирует относительно слабую, для такой большой территории, выраженность культурных различий в макроареале расселения крупнейшего этноса.

Разумеется, и мегаядро России в культурно-географическом отношении далеко не однородно. Но это уже разнообразие в рамках сравнительно гомогенного этнического макроареала. Этнографами собран обширный материал, касающийся субэтнических различий среди русских; ими выделяются многочисленные т.н. этнографические группы русских (кержаки, пустозеры, гюлехи, челдоны, поморы, локальные группы старообрядцев — например, «каменщики» на Алтае, «семейские» в Забайкалье и многие другие), проделана ценнейшая в научном отношении работа по их картографированию (18). Тем не менее, это группы в основном реликтовые, мало влияющие на современные геокультурные процессы (74% населения России проживает сейчас в городах, а традиционная культура была сильно размыта за годы советской власти даже в сельской местности). Внутренняя дифференциация мегаядра страны обусловлена не этническими, и даже не субэтническими, а совершенно иными факторами. Она есть продукт, во-первых, регионализации русской культуры (что ставит на повестку дня вопрос о разработке основ культурного районирования страны, качественно отличного от этнографического) и, во-вторых, ее «вертикальной», урбо-сельской стратификации. Данные сюжеты заслуживают самостоятельных исследований и не укладываются в рамки статьи, сфокусированной на этнокультурных процессах в ГКП.

Этнический фактор особенно выпукло проявляется в культурной географии других, т.н. «иноэтнических» регионов страны. Из "крупных, территориально консолидированных и сохранивших яркую этнокультурную специфику, таковых в России три - Северный (Горный) Кавказ, Южносибирский тюрко-монгольский пояс и Поволжский многонациональный регион.

Горный Кавказ, вместе с заселенной преимущественно нерусскими, аборигенными народами частью предгорно-степной полосы Северного Кавказа, - один из самых мозаичных этнокультурных районов мира. К тому же это лишь часть мультицивилизационного Кавказского макрорегиона, включающего еще Русский Северный Кавказ и страны Закавказья. Переплетение и противостояние этносов и языков, религий, национальных характеров и образов жизни выражено здесь, на сравнительно небольшой территории, настолько выпукло, что регион

нередко называют этнографическим музеем. Количество обитающих здесь народов даже не поддается однозначному учету — настолько сложно провести грань между некоторыми малочисленными этносами и субэтносами, племенными группами (этнологами выделяется от 50 до 80 этносов и этнических групп). Этнической неоднородности региона сопутствует и конфессиональная. Здесь сходятся христианство и ислам, которого придерживается большинство местных народов.

Этнографический плюрализм региона диктуется и местными физико-географическими условиями, разнообразие которых предопределяет различия образов жизни. Природные рубежи отражены в географии культуры Горного Кавказа намного отчетливее, чем в мегаядре России. Его геопространство структурировано принципиально иначе: здесь нет единого центра и периферии, нет плавных, постепенных переходов, но есть мозаика культурных миров, большей частью локально замкнутых и соперничающих. Но если труднодоступные горные районы — убежище народов-изолятов, сохранивших многое от своих этнокультурных истоков, то предкавказские и прикаспийские степи — напротив, район - перекресток, тигль этнокультурной диффузии.

В регионе есть несколько автохтонных (иберо-кавказских) этнокультурных очагов — Адыгский, Вайнахский, Дагестанский. Населяющие запад Кавказа адыгские народы (в царской России их называли «черкесами») - это имеющие свои национальные республики кабардинцы, собственно черкесы, адыгейцы а также малочисленные абазины и шапсуги, происходящие от одного этнического корня и родственные абхазам. Сменившие свою древнюю христианскую веру мусульманскую задолго до прихода русских, они вплоть до второй половины прошлого века под знаменем ислама успешно отстаивали независимость. С присоединением к Российской Империи, большинство «черкесов» - горцев эмигрировало в единоверную Турцию, где по сей день существует крупнейшая адыгская диаспора, а на Кавказе остались т.н. «замыренные черкесы», переселенные на предгорные равнины. Фактически адыги - единый народ, разведенный по разным «национальным квартирам». В целом, адыгские народы испытавшие культурное воздействие Османской Порты, России и родственной Грузии (грузины - их дальние этнические родственники а абхазы - близкие, прямые), всегда тяготели к мощным внешним центрам влияния. Процессы XX в. способствовали интеграции адыгов в ГКП России, но нынешняя дестабилизация ситуации на Кавказе вынуждает их к поиску альтернатив как культурной, так и политической ориентации.

Восточный Кавказ (Чечня и Дагестан) в этнокультурном отношении, напротив, всегда был миром, сравнительно обособленным от соседей. На востоке Кавказские горы значительно расширяются, их высота снижается, в горных долинах, ущельях и на замкнутых аридных плато вмещается уникальное многообразие этносов, история которых изобилует междоусобицами и кровавыми расправами, но также и вековыми поисками единства. Вайнахи - это чеченцы и ингуши, которых ряд этнологов даже считает одним народом, а в Дагестане насчитывают от 30 до 50 этносов. Считается, что народы Чечни и Дагестана - самые ревностные приверженцы ислама на Кавказе хотя шариат сочетается здесь с традиционным горским укладом и подчинен нормам права

горцев. К тому же, в отличие от адыгов и большинства других мусульман Кавказа, чеченцы, ингуши, аварцы исповедуют суннизм не ханафитской, а шафиитской разновидности, позволяющей свободное толкование Корана.

Нехватка земли и ее скудость - главная причина постепенного исхода горцев на равнину (в прошлом по этой же причине чеченцы и лезгины совершали свои знаменитые разбойничьи набеги на Грузию и Азербайджан). У вайнахов он начался еще в XVI - XVII вв., а в XX в. переселяться начали аварцы, даргинцы, лакцы. Это сопровождается обострением этнотерриториальных антагонизмов (приморская полоса была издавна заселена кумыками, северные равнины - ногайцами, в городах высок процент русских). Вслед за расколом Чечено-Ингушетии, реальной становится и перспектива национально-территориальной дезинтеграции Дагестана. Восточный Кавказ имеет наиболее длительный опыт национально-освободительной борьбы против России, и не удивительно, что именно он (в лице Чечни) - главный очаг сепаратизма в РФ. Показательно и то, что со стороны чеченцев борьба за независимость граничит с террором, а ее подавление федеральным правительством проводилось до последнего времени самым варварским способом.

Кроме иберо-кавказских этнокультурных ареалов, в регионе есть и другие. Во-первых, это Северная Осетия - христианский клин в ГКП мусульманских народов. Небольшая часть осетин — единственного крупного ираноязычного народа Кавказа — придерживается ислама (кроме того, осетино-грузинский конфликт и поддержка в нем осетинской стороны кавказскими мусульманами усилили происламские симпатии в осетинском общественном мнении). Россией осетины традиционно рассматривались как ее естественный союзник на Северном Кавказе; отголоски этого различимы и в современной этнополитической ситуации в регионе.

Во-вторых, это тюрко-монгольские ареалы. На востоке они представлены тюркоязычными кумыками и ногайцами и монголоязычными калмыками-буддистами, переселившимися из Джунгарии в XVI — XVII вв. в прикаспийские степи. Тюрко-монгольский пояс Восточного Предкавказья составляет вместе с Астраханской областью и пустынно-степными землями Казахстана единую культурно-географическую полосу, отделяющую районы русской земледельческой колонизации от Горного Кавказа и оазисов Средней Азии. В Западном же Предкавказье произошла своеобразная этнокультурная инверсия. Бывшие степняки, карачаевцы и балкарцы — единый тюркский этнос с общим языком и культурой — были оттеснены в горы спустившимися оттуда на равнину адыгами и вынуждены, оказавшись по разные стороны Эльбурского массива, осваивать новый для себя образ жизни горцев. В СССР карачаевцам и балкарцам было навязано «политическое сожительство» со своими северными адыгскими соседями (черкесами и кабардинцами). Отсюда стремление тюрков и адыгов не только разорвать узы «двуэтничных коммуналок», но и к этнополитической консолидации в рамках единой Карачаево-Балкарии и Большой Адыгеи.

В целом, Горный Кавказ наиболее сложным образом интегрирован в ГКП России и наименее прочно с ней связан, представляя собой дугу межнациональной и социально-политической нестабильности, клубок

повсеместно оспариваемых границ. Но в связи с этим и потенциал горского, общекавказского интегризма также весьма ограничен. Неслучайно задуманная как «общекавказский дом» Конфедерация Пародов Кавказа так и осталась эфемерным образованием, фактически неспособным регулировать интеграционные процессы на Кавказе.

Значительно плотнее имплантированы в ГКП России Поволжский (или иначе, Волго-Уральский) и Южносибирский многонациональные регионы, этнокультурными «фокусами» которых выступают, соответственно, Татарстан и Башкирия, Тува и Бурятия. Поволжский регион (отнюдь не совпадающий с Поволжьем как экономическим районом) — совершенно иного типа, чем Северокавказский. Из-за дисперсности расселения волго-уральских народов, у региона нет явно выраженных границ, и с русским хартландом, облегающим его со всех сторон, его соединяет обширная этноконтактная зона. Нет здесь и четких внутренних этнокультурных рубежей: в отличие от Кавказа, Поволжский регион представляет собой не мозаику обскобленных миров, а скорее чересполосицу пространственно перемешанных этносов.

Последние представлены гл. обр. тюрками (татары, башкиры, чувашы), финно-уграми (мордва, марийцы, удмурты) и славянами (русские, украинцы, белорусы). Русские преобладают в угро-финских республиках (в Мордовии и Удмуртии составляя абсолютное большинство), но уступают по численности титульным этносам в тюркских республиках. Пароды Поволжья отличаются повышенной этнокультурной сближенностью со славянским населением России. Для 30% мордвы и удмуртов, 22% чувашей родным языком является русский (13), а владеет им подавляющее большинство населения; типичны смешанные браки, с вхождением в состав России привилось православие. Его придерживаются большинство верующих среди не только угро-финских народов, но и чувашей (одного из немногих христианских народов тюркского корня); часть удмуртов — мусульмане, марийцев — последние язычники Европы (марла вера).

На этом фоне выделяются Татарстан и Башкирия — очаги хорошо сохранившейся тюркской мусульманской культуры. Татары — единственный из коренных народов Поволжья с тысячелетним стажем оседлой жизни и более древней, чем у русских, традицией письменной культуры и национальной государственности, восходящей еще к Волжской Булгарии, Золотой Орде и Казанскому Ханству. Это самый городской из коренных этносов Поволжья: 2/3 татар живет в городах, а у их соседей по региону урбанизированность даже сегодня не превышает 50%. Доля «обрусевших» среди татар и башкир ниже, чем у других поволжских этносов, — 10 — 15%. Татарстан и Башкирия — важные очаги возрождения ислама в РФ. Но в силу их географического положения отсутствия прямой территориальной связи с Тюркским и Мусульманским Зарубежьем, невысокой концентрации титульных этносов в своих республиках, большой «включенности» татар и башкир в общественную жизнь России, резкое усиление культурного изоляционизма и политического сепаратизма здесь маловероятно.

Южносибирский тюрко-монгольский пояс значительно позднее чем Поволжье, попал в геокультурную орбиту России. Его иноцивилизационными

узлами сейчас являются Тува и Бурятия, меньше, чем другие древние этнокультурные центры Сибири (Хакасия, Алтай, Горная Шория) «размытые» российским влиянием. Связность этих республик с внешним по отношению к России миром зиждется в основном на конфессионально-культурном фундаменте. Составляя вместе с Калмыкией единственные очаги буддизма в России, они образуют смежный с Монголией единый компактный массив территории. В большей степени социокультурная дистанцированность от мегаядра России присуща Туве, вошедшей в состав СССР только в 1944 г. и отличающейся одновременно высокими показателями территориальной концентрации в ее пределах титульного этноса и его доминированием в составе населения республики.

Бурятский этнокультурный ареал более гетерогенен, чем тувинский. В национально-государственном отношении он распадается на три не имеющих смежных границ образования (республику и два округа), но еще важнее различия культурные. Западные буряты уже давно являются оседлыми животноводами и земледельцами, исповедующими православие, в то время как восточные (забайкальские) буряты — в недалеком прошлом кочевые скотоводы, придерживающиеся ламаизма. В общественной жизни Бурятии сейчас противостоят две тенденции. Одна связана с сохранением сложившейся культурно-политической и экономической ориентации на Россию, другая — с постепенной переориентацией республики на Монголию. В целом же, Тува и Бурятия занимают специфическое, промежуточное положение на прямом стыке Евразийско-Российского и Буддистско-Ламаистского Миров.

Наконец, в мегаядро ГКП вкраплены сравнительно крупные «иноэтнические анклавы». Таковы, Якутия, Карелия, Коми. «Иноэтническими» (нерусскими) их можно считать лишь отдавая дань истории, поскольку русские переселенцы сейчас составляют абсолютное большинство их жителей. Занимая большие площади, они слабо заселены, несмотря на форсировавшееся в XX в. очаговое ресурсно-индустриальное освоение. Якуты — самый северный из тюркских народов Земли (на Север они проникли, сплаваясь на плотах вниз по Лене на протяжении IX-XIV вв.). Этнографически они ближе палеоазиатским и другим народам Северной Сибири, чем южносибирским тюркам, однако в XIX-XX вв. испытали заметное (по сравнению с остальными северными этносами) влияние русской культуры.

Финноязычные народы европейского Севера России имеют достаточно развитую национальную культуру. Однако вследствие их относительной малочисленности, высокой ассимилированности, слабости связей с главными европейскими очагами финской культуры (Финляндией, Эстонией), они являются неотъемлемыми субъектами ГКП России. «Двойная» культурная ориентация (на Россию и Финляндию) отчасти присуща карелам, имеющим с Финляндией смежный ареал расселения, но составляющих в своей республике лишь 1/10 населения.

Совершенно специфическим является и положение в ГКП страны малочисленных племен Севера и Северо-Востока. Их традиционные хозяйственно-культурные типы оказалось невозможным безболезненно «вписать» в систему товарно-денежных отношений в Российской Империи, а

затем и в централизованную советскую экономику. Уничтожение родовых кочевий, упадок оленеводства, морской охоты и пушного промысла, рыболовства разрушили и экономический базис, и естественную среду обитания малочисленных этносов. Впрочем, и современные рыночные реформы еще сильнее входят в противоречие с их социокультурными нормами и реликтами традиционного хозяйственного уклада, вследствие чего именно эти пароды оказываются в переходный период наименее защищенными (2).

Этнический фактор - один из главных в ряду движущих сил, определяющих динамику ГКП России и ее уникальное культурно-географическое разнообразие. Вместе с тем, выявление его истинной и исторически менявшейся роли в формировании культурного ландшафта страны требует комплексного анализа и синхронного исследования протекавших в геопространстве России этнокультурных процессов и других факторов пространственно-временной динамики отечественной культуры. По крайней мере, можно назвать две группы процессов, тесно переплетающихся с собственно этнокультурными и сопоставимых с ними по своим географическим последствиям, - регионализацию культуры (генезис локальных субкультур) и «вторжение» урбокультуры в формирующийся культурный ландшафт (его качественное изменение по мере ускорения и территориального «расползания» урбанизации). При этом и этнокультурной дифференциации и регионализации культуры ярко проявляется, так сказать, **горизонтальная фрагментация** ГКП, а в экспансии урбокультуры его **вертикальная поляризация**. Анализ соотношения этих процессов ко времени и пространству - важная и пока ещё далеко не решенная задача конкретных историко - геокультурных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аджи М. Полюнь половецкого поля. М. 1994
2. Бабаков В.Г. Кризисные этносы. М. 1993
3. Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения М 1979
4. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса М 1983
5. Брук С.И., Кабузан В.М. Динамика численности расселения русского этноса (1678-1917) // «Советская этнография». 1982. № 4. с. 4-17.
6. Брук С.И., Кабузан В.М. Динамика численности расселения русских после Великой Октябрьской Революции // «Советская этнография». 1982. № 5. с. 4-19.
7. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. Прага. 1927.
8. Водарский Я.Е. Население России за 400 лет. М. 1967.
9. Гордеев А.А. История казаков. М. 1992-1993. Т. I —IV.
10. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М. 1989.
11. Гумилев Л.Н. От Руси к России. М. 1992.
12. Зайончковская Ж.А. Демографическая ситуация и расселение. М. 1991.
13. Итоги Всесоюзной переписи населения СССР 1989 г. Национальный состав населения. М. 1990.
14. Ключевский В.О. Курс русской истории. 4.1. М. 1987.
15. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т.1. М. 1993
16. Народы России. Энциклопедия. М. 1994.
17. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI-начале XVII вв. М. 1946.
18. Русские. Историко-этнографический атлас (4.1-2). М. 1967- 1970.
19. Савицкий П.Н. Континент-океан (Россия и мировой рынок) // Исход к Востоку. София.

1921. с. 110-141.

20. Сафронов Ф.Г. Русские на Северо-Востоке Азии в XVII – середине XIX вв. М. 1978.
21. Сущий С.А., Дружинин А.Г. Очерки географии русской культуры. Ростов-на-Дону. 1994.
22. Флиер А.Я. Об исторической типологии российской цивилизации «Цивилизации и культуры». Вып.1. М. 1994, с.94-115.

Д. Я. Замятин

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

ТЕЗИСЫ

Историческое развитие региональной политики и государственного управления в России рассматривалось многими российскими историками на примере различных исторических эпох и регионов России (Готье, 1913, 1941; Носов, 1957; Леонтьев, 1961; Зимин, 1972, 1982, 1990; Рафиенко, 1973; Ермолаев, 1982; Киняпина, 1983; Ремнев, 1994 и др.). **Историко-географические особенности и аспекты** региональной политики и государственного управления в России в целом пока не изучались в качестве самостоятельного объекта (предмета) исследований. Уникальное географическое разнообразие территории Российского государства на протяжении большей части его истории, различие исторических судеб его отдельных регионов, практическое значение изучения подобных аспектов в современных условиях усиления внимания к выработке перспективной региональной российской политики и региональных вариантов государственного управления и подъем отечественной региональной науки (регионалистики) в последние 2—3 года позволяют говорить об актуальности и необходимости изучения историко-географических аспектов указанной проблематики.

Основная проблема и одновременно цель историко-географического исследования региональной политики и государственного управления в России — поиск, выделение, описание и объяснение различных вариантов взаимодействия структур освоения территории, вновь формирующихся территориальных систем населения и хозяйства (ТСНХ) и возникающих параллельно и достаточно автономно по отношению к ним структур управления включаемых в состав государства новых территорий; формирования на базе этого взаимодействия нескольких главных, фундаментальных архетипов региональной политики государства по отношению ко вновь присоединяемым территориям. В центре внимания, таким образом, должны быть **первоначальные этапы** присоединения и освоения новых регионов, позволяющие в условиях пока относительно несложных формирующихся хозяйственных, социальных, политических и управленческих структур, выделить и проследить основные черты, закономерности функционирования механизма изучаемого взаимодействия. Территория при этом выступает не как пассивный элемент системы, реципиент или конкретное географическое поле возникновения и развития новых типов и вариантов региональной политики и государственного управления (РПиГУ), но как равноправный, активный элемент, формирующий совместно с центром, во взаимодействии с ним определенные территориальные паттерны РПиГУ, становящиеся своеобразным золотым фондом отечественной государственно-региональной мысли. Особенность этого взаимодействия — изменение самой территории, адаптация стержневых структур ее освоения и

качественная трансформация самого процесса освоения, видоизменяющегося в ходе выработки территориального паттерна, специфического фрейма, входящего автономно в целостную структуру общегосударственного управления.

Наиболее интересные с этой точки зрения объекты исследования — юг Московского государства во 2-й половине 16 — 1-й половине 17 вв., Сибирь в 17 — 18 вв., Дальний Восток во 2-й половине 19 -начале 20 вв. В качестве дополнительных, страхующих объектов исследования можно рассматривать Северный Кавказ во 2-й половине 18 — 1-й половине 19 вв., Среднюю Азию во 2-й половине 19 — начале 20 вв., — как регионы, где традиционные архетипы РПиГУ России столкнулись с принципиально иными этнокультурными и цивилизационными установками, проецируемыми на область государственного управления.

Предварительное изучение в качестве исследовательских полигонов трех указанных выше пространственно-временных российских регионов — юга Московского государства, Сибири и Дальнего Востока позволяет сформулировать ряд проблемных положений в рамках поставленных цели и задач.

Первоначальное освоение, географическая, военная и хозяйственная разведка новых территорий, еще не присоединенных к основной территории государства, связаны, как правило, с формированием точечных, локальных, единичных паттернов РПиГУ, которые носят исключительно временный, прикладной характер. Функция этих паттернов — нарастить культурный слой, почву для более плотного военного и хозяйственного освоения новых территорий и их официального включения в состав государства. В этих условиях возможно существование на новых территориях двух или более вариантов местного управления, образование «мягкой», не получившей еще твердой оболочки региональной политики центра, ориентирующейся главным образом на стереотипы и установки местного населения. Так, в период до присоединения земель современного российского Черноземья и Области Войска Донского центральное московское правительство проводило осторожную избирательную политику по отношению к казачьим сообществам Дона, дополняемую политикой льгот по отношению к поселенцам из старых обжитых районов и постепенным дипломатическим и военным отсечением Крымского ханства, азовцев и Ногайской Орды как активных политических и хозяйственных сил, действующих на рассматриваемых территориях. Формируется образ слабоосвоенной территории, выполняющей буферные военно-политические функции, служащей резерватом вольнонаемной военной силы (казачества) и управляемой опосредованными, косвенными дипломатическими, военными и экономическими методами. Редкая сеть вновь строящихся укреплений, острогов, городов и засечных черт служит остовом, каркасом более глубокого в перспективе освоения территории и предпосылкой создания более прочных и устойчивых специфических территориальных паттернов РПиГУ.

Этап освоения новых территорий сразу после их включения в состав государства связан с формированием ряда пробных, поисковых стратегий центра по отношению к новому региону; при этом центральные властные

структуры еще как бы не чувствуют своеобразие территории, осуществляя управленческий нажим на базе старых вариантов и архетипов региональной политики. Так, очень характерны первые шаги российского правительства по освоению Дальнего Востока в 1850-1860-х гг. — учреждение нового казачьего войска, попытка насаждения земледелия на левобережье Амура, учреждение ряда льгот для переселенцев из староосвоенных районов, — которые были первоначально большей частью малоэффективны. Разработка нового, достаточно дробного административного деления Дальнего Востока, усиление внимания к геополитическим аспектам присутствия России на Дальнем Востоке, основание Владивостока и создание крупной тихоокеанской военно-морской базы, образование коммуникативного ритма хозяйственных и политических связей Дальнего Востока с Европейской Россией позволили схематично разработать принципиально новый территориальный паттерн РПиГУ, характеризующийся большой ролью военно-нормативных способов и методов государственного управления и пока еще слабо связанный с формированием самобытного, специфического образа самого региона. Образование зазора, щели между конкретной РПиГУ центра по отношению ко вновь присоединенному и целевым образом осваиваемому району и несоответствующим этой силовой политике уровню освоения и реактивной способности территории — основное противоречие, коллизия и двигатель развития ситуации в сторону создания адекватного, оптимального варианта территориального паттерна РПиГУ.

В результате проведенного предварительного исследования можно утверждать, что формирование территориальных паттернов РПиГУ — историко-географический процесс продолжительностью не менее нескольких десятилетий, ведущий к созданию принципиально новых географических образом территории и трансформации самого представления о территории.

В. Н. Стрелецкий

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТУРЫ

(О монографии С.Я. Сущего и А.Г. Дружинина «ОЧЕРКИ ГЕОГРАФИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ» - Ростов-на-Дону: Изд-во СКНИ ВШ, 1994, 576 с.).⁷

Монография, написанная учеными Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем при Ростовском Государственном Университете – кандидатом социологических наук С.Я. Сущим и кандидатом географических наук А.Г. Дружининым – первое комплексное исследование географии культуры России, и уже этим определяется её несомненная научная ценность. Длительное время, особенно в советский период, культурная география занимала у нас скромное место – скорее на периферии географических наук. Осознание необходимости и приоритетности географического изучения культуры и как целостного явления, и по отдельным сферам и «стратам» геокультурного процесса – свидетельство очень важных сдвигов, отчетливо обозначившихся за последнее время в отечественной географии. Работа С.Я. Сущего и А.Г. Дружинина не просто органично вписывается в русло этих сдвигов, но и сама, если можно так выразиться, «задает вектор» перспективных культурно-географических исследований.

Но ценность работы ростовских ученых не исчерпывается их весомым вкладом в изучение географии отечественной культуры. В равной мере ее пронизывает не только географизм, но и историзм. Не будет преувеличением сказать, что это одна из первых в нашей стране попыток объять в одной книге географию и историю культуры России в системном изложении, и попытка в целом небезуспешная. Правда, в постановке такой задачи С.Я. Сущий и А.Г. Дружинин не являются пионерами: геоисторизму близки работы многих исследователей отечественной культуры, особенно «классиков» дореволюционного времени. И в первую очередь здесь следует назвать выдающийся труд П.Н. Милюкова «Очерки по истории русской культуры», само название которого очевидно перекликается с «Очерками...» С.Я. Сущего и А.Г. Дружинина, а идеи и содержание – послужили важным подспорьем при написании монографии.

Но если «Очерки ...» П.Н. Милюкова, при всем междисциплинарном характере (а их автором мобилизован колоссальный материал из области истории, географии, этнологии, археологии и др.) все же остаются прежде всего выдающимся памятником исторической мысли, то в работе С.Я. Сущего и А.Г. Дружинина главный исследовательский акцент — иной, географический. Авторы определяют свою задачу как попытку сформировать представление о русской культуре как о многомерном пространственно-временном географическом явлении. Научный подход, развиваемый авторами, является специфически именно геокультурным (заметим, что А.Г. Дружинин хорошо известен как теоретик географии культуры, в частности, как автор монографии «География культуры: теоретико-методологический аспект», «Эколого-культурный анализ территориальных систем» и др.; уже после написания

⁷ Сокращённый вариант данной рецензии опубликован также в журнале «Известия РАН, Серия Географическая», 1997, № 2.

«Очерков ...» им подготовлена докторская диссертация по теоретико-методологическим проблемам культурной географии).

А.Г. Дружинин и С.Я. Суций вводят в научный оборот понятие «геоэтнокультурной системы» (ГЭКС), под которой ими понимается *территориальная (географическая) целостность, локализованная в пределах определенного ареала и формируемая взаимодействием этнических общностей, антропогенизированных природных комплексов (ландшафтов) и особых форм пространственной организации общества (территориальных общественных систем) в процессе природопользования* (с. 17 —18). ГЭКС, по мнению авторов, - такой тип пространственных образований, которые резко отличаются от общепризнанных объектов исследования географии человека. Она не сводима ни к государству, ни к социально-экономическим территориальным системам, ни к ареалу этнического расселения.

Можно спорить, удачен ли сам термин и так ли уж он здесь необходим, ибо взгляд на географию культуры главным образом сквозь призму ГЭКС, пожалуй, делает работу излишне тяжеловесной. Но при этом нельзя не признать, что предложенная А.Г. Дружининым и С.Я. Суцим научная категория, в целом, адекватно и корректно описывает те реалии, изучению которых посвящена монография.

Заслуживают внимания постановка С.Я. Суцим и А.Г. Дружининым вопроса о роли географического фактора в развитии русской культуры и некоторые акценты в его интерпретации. По мнению авторов, само понятие «географический фактор» отнюдь не сводится к влиянию природной среды на исторический процесс (в частности, на развитие культуры). Трактуемое шире и емче, оно используется ими для характеристики взаимодействия и взаимовлияния территории (целого) и культуры (ее пространственно организованной составляющей), означая тем самым «общую «включенность» характеризуемого феномена в территорию (целостную социоприродную реальность), в территориальные процессы со всеми вытекающими отсюда последствиями» (с. 26). Такой подход особенно интересен еще и потому, что жанр работы - историко-географический. Особое, приоритетное внимание к вопросам взаимодействия человека, культуры, общества с географической средой - в традициях русской исторической географии (вспомним хотя бы классические труды Л. Майкова, М.К. Любавского, С.М. Середонина, географические сюжеты в работах С.М. Соловьёва, В.О. Ключевского, того же П.Н. Милюкова и других отечественных историков). В монографии же С.Я. Суцего и А.Г. Дружинина центр тяжести перенесен в иную плоскость - здесь речь идёт в основном о регионализме и вообще о пространственном «измерении» процесса становления и развития отечественной культуры.

Как пишут сами авторы, они вкладывают в понятие «географический фактор» предельно полное содержание. Тем не менее, его трактовка сквозь призму взаимовлияния и взаимодействия территории и пространственной составляющей культуры далеко не бесспорна и открыта для критики. Собственно говоря, здесь важно еще разобраться, что есть внешний «фактор», что есть «условия», а что - используя терминологию авторов - само *географическое бытие русской культуры* (с.5). К чему относится

«включенность» элементов материальной и духовной культуры в ту или иную территорию? Это — «географический фактор» развития культуры? Или ее «географическое бытие»? Или и то, и другое?

К тому же, много рассуждая о значении географического фактора в развитии русской культуры в общетеоретическом, методологическом аспекте, С.Я. Суций и А.Г. Дружинин, как ни странно, скупое и весьма поверхностно касаются конкретных вопросов взаимосвязи культурного регионализма в России с его физико-географической основой, с характером природных условий. Казалось бы, в монографии, написанной именно географами, в которой, по признанию авторов, исследование роли географического фактора в культурогенезе фигурирует в качестве одной из ключевых проблем, не миновать серьезного и многостороннего рассмотрения взаимодействия природы и культуры в российском геопространстве. Между тем, этот спектр вопросов почти полностью выпал из поля зрения авторов, не получил здесь глубокого освещения. Такая «лакуна», безусловно, существенно обедняет эту исключительно интересную, полифоничную, неординарную по содержанию историко-географическую работу.

Большое достоинство фундаментального исследования С.Я. Суцего и А.Г. Дружинина — попытка системного анализа геодинамики русской культуры в целом. Ими предложена своя схема периодизации её пространственно-временной динамики (восемь этапов, начиная с дохристианского в Киевской Руси до постимперского после распада Советского Союза). Хотя выделенные С.Я. Суцим и А.Г. Дружининым этапы представляют собой прежде всего качественно различающиеся исторические эпохи, их периодизация — не чисто историческая, но историко-географическая. Своеобразие каждого этапа определяется не только общеисторическим фоном, но и составляющими собственно геокультурного процесса, формирующими «культурный ландшафт» Руси, а затем России. К числу основных составляющих авторы относят этнокультурную поляризацию и регионализм. Авторы монографии подробно характеризуют этнокультурную структуру Российского геопространства для каждого из восьми этапов, исследуют характерные для них сдвиги и тенденции, намечают, правда, лишь в общих чертах, контуры анализа территориальной структуры отечественной культуры и ее исторической эволюции.

Важным, если не важнейшим, индикатором структурных изменений в геокультурном пространстве России С.Я. Суций и А.Г. Дружинин считают динамику этнического расселения. Именно этноструктурные и этнорегиональные сдвиги на протяжении нескольких столетий в книге прослеживаются наиболее подробно. Это и не удивительно, поскольку здесь авторы монографии могли опереться на солидные заделы, оставленные, в т.ч. уже и в советское время, многими учеными, главным образом в области исторической этнографии и исторической географии (Я.Е. Водарским, В.К. Яцунским, СИ. Бруком, В.М. Кабузаном и другими). Существенно хуже обстоит дело с показателями, характеризующими геодинамику не этнического, а собственно культурного ландшафта. Это связано и с нехваткой первичной информации (особенно применительно к древним историческим эпохам), и с

проблемой ее интерпретации, и с неотработанностью методического подхода.

Тем большего уважения заслуживает работа ростовских ученых, сумевших, несмотря на объективные трудности, подготовить в монографии целую главу, посвященную ведущим сферам и направлениям российского геокультурного процесса. Ими, и прежде всего С.Я. Сушим – автором главы – собран огромный фактический материал, в т.ч. из источников заведомо не географических, позволивший дать целостное и системное представление о регионализме целых «сегментов» отечественной культуры в исторической динамике со времен Древней Руси до наших дней. В их числе территориальная организация культурной инфраструктуры, региональные аспекты российского художественного, литературного, научного процесса. Написанная просто, не претендующая на особые методические находки и изыски, данная глава зато прикрывает собой, хотя бы отчасти, гигантскую «брешь», до сих пор зиявшую в исторической и культурной географии нашего Отечества.

Ценными представляются и приложения, включённые авторами в монографию. Они, бесспорно, обогащают содержание книги. Таковы, например, расчеты интегрального социокультурного потенциала крупнейших центров первых веков отечественной истории, оригинальные сюжеты, посвященные анализу «творческой отдачи» отдельных российских территории в 19 - начале 20 вв., географии русского подвижничества 11 - 17 вв. русской диаспоры и др. Жаль только, что во многих случаях это фактически совершенно автономные исследовательские «фрагменты», слабо увязанные с основным текстом монографии. Используемые в основной части книги, они сделали бы историко-географический анализ намного нагляднее и содержательнее.

Кроме того, авторы на практике далеко не всегда придерживаются провозглашаемого ими самими «геокультурного» подхода. Так, например, ставя чрезвычайно сложную задачу анализа исторических сдвигов в геокультурном пространстве России, они справедливо указывают на важность изучения менявшейся роли городов в этих процессах. Но проведенное С.Я. Сушим и А.Г. Дружининым исследование геодинамики ста крупнейших городов России (СССР) за период 1670-1992 гг. (чему специально посвящено одно из «приложений») выполнено в традиционном ключе анализа развития городской сети, логичного в работах по географии расселения и геоурбанистике, но явно недостаточного для работы культурно-географической направленности.

Историко-географическая направленность «Очерков ...» наложила отпечаток на характер освещения в них вопросов современной географии культуры России. У авторов просто не было ни места, ни физической возможности охарактеризовать современное российское геокультурное пространство в многообразии его структурных и региональных проявлений – в книге, в которой нынешний этап рассматривается как одно из звеньев в исторической ретроспективе (впрочем, в последней главе монографии, носящей название «Россия в планетарных процессах», наряду с ретроспективой появляется еще и историческая перспектива). Для этого требуется особая, специально посвященная сегодняшней России работа по культурной географии, не обремененная самостоятельной историко-географической проблематикой.

К достоинствам работы С.Я. Суцего и А.Г. Дружинина относится и большое количество содержащихся в ней карт и картосхем, а также иллюстрирующих текст таблиц. Правда, полиграфическое качество подготовленного картографического материала оставляет желать лучшего, существенно затрудняет восприятие многих очень интересных по содержанию исторических карт.

«Очерки географии русской культуры» С.Я. Суцего и А.Г. Дружинина – заметная веха в развитии отечественной исторической и культурной географии, и вне всякого сомнения эта книга займет достойное место среди научных публикаций последних лет.

«ДЕКЛАРАЦИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ» ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

В соответствии со сложившейся академической структурой исторической географией занимаются историки и географы. Историки обычно рассматривают историческую географию в качестве вспомогательной исторической дисциплины, помогающей локализовать упомянутые в источниках пункты, события и т.п. Географы, со своей стороны, довольно-таки смутно представляют себе, что такое историческая география, но нередко подозревают, что это что-то близкое истории картографии и географических открытий. По крайней мере, в России сложилась именно такая ситуация. В лучшем случае речь идет о попытках изучать историю современных географических объектов, либо, наоборот (В.К. Яцунский и его последователи) — временные «срезы» географии прошлого. В связи с этим большой интерес для нас представляют достижения французской школы исторической географии, к которой можно смело причислить Л. Февра, Ф. Броделя и др., органически сочетающих временной и пространственный анализы процессов и явлений. Действительно, коль скоро пространство и время суть наиболее фундаментальные характеристики нашего мира, недостаток внимания к пространственной структуре явления и к его пространственным связям с другими, также как и к эволюции и генезису последнего, приведут к формированию однобокого представления о рассматриваемом явлении. То есть историческая география — путь к более полному по сравнению с «чистой» историей и «чистой» географией познанию явлений, и в этом смысле скорее историю и географию можно считать вспомогательными по отношению к исторической географии дисциплинами, чем наоборот. Таким образом, единство истории и географии представляет собой нечто реально существующее, что интуитивно ощущалось людьми, непричастными к классической схеме образования (как Геродот, многочисленные авторы землеописаний и т.д.). Хотя попытка непосредственно возродить такое целостное мировосприятие в наше время представляется мало реальной, тем не менее, всякое продвижение истории и географии навстречу друг другу обещает принести добрый плод.

Для объединения усилий географов и историков в области исторической географии и всех заинтересованных в развитии этого научного направления создается Семинар по исторической географии.

Задача создаваемого Семинара способствовать формированию исторической географии как самостоятельного междисциплинарного научного направления на стыке географических и исторических исследований, обеспечивая единство, синтез географии и истории.

Целями Семинара в ближайшее время являются:

- создание «ядра» исследователей, заинтересованных в развитии исторической географии как междисциплинарного научного направления;
- организация постоянных заседаний и докладов Семинара;
- обеспечение для этого материальной базы, коммуникаций;
- активизация научных контактов в области исторической географии как географов и историков, так и специалистов из смежных областей знания

(исторической демографии, культурологии, социологии, региональной экономики, языкознания, этнологии и т.д.);

- публикации докладов и сообщений Семинара в отдельных периодических изданиях (сборниках); формирование единого «поля» историко-географических исследований.

Инициативная группа по созданию Семинара по исторической географии:

В.Э. Булатов, н.с. Отдела картографии Государственного Исторического Музея

Д.Н. Замятин, к.г.н., с.н.с. Лаборатории географического образования МИРОС

В.Н. Стрелецкий, к.г.н., с.н.с. Отдела социальной и экономической географии Института Географии РАН

ХРОНИКА СЕМИНАРОВ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ В ИГ РАН

Семинар по исторической географии РАН был создан в апреле 1996 г.; его основная задача - способствовать формированию исторической географии как самостоятельного междисциплинарного научного направления на стыке собственно географических и исторических исследований, обеспечивая единство, синтез географии и истории.

С апреля 1996 г. по июнь 1997 г. состоялось 9 заседаний Семинара, большая часть которых носила пограничный, междисциплинарный характер. **Методологическим и теоретическим вопросам** развития исторической географии был посвящен доклад В. Н. Стрелецкого (апрель 1996 г.). Проблемы **инструментария, методики** историко-географических исследований были рассмотрены в докладе В. Э. Булатова о первом национальном атласе России и в докладе Д. Н. Лухманова о картографировании истории заселения территории. На **границе философии и исторической географии** был сделан доклад И. Т. Касавина, осмысляющий различные аспекты человеческих миграций. В **рамках классических направлений** исторической географии — исторической экономической и исторической политической географии — были подготовлены доклады А. И. Трейвиша об экономических лагах в исторической географии Восточной Европы и А. К. Зайцева о территориальной структуре Древнерусского государства. Крайне **перспективные темы** были затронуты в более частных докладах П. М. Поляна об исторической географии еврейской диаспоры, актуальной в условиях обострения национальных конфликтов в конце XX века, и Н. Ю. Белаш о русском и американском фронтах, позволяющем сделать вывод о значительной концептуальной историко-географической эффективности понятия фронта, работающего и при анализе современной территориальной организации общества. Особо можно выделить доклад В. Л. Цымбурского «Народы между цивилизациями», исследующий и представляющий основные, узловые проблемы исторической географии с **точки зрения геополитики**.

Перспективы развития Семинара можно рассмотреть в двух главных аспектах. **Формальные аспекты** - это: 1) безусловно, широкое привлечение к заседаниям Семинара историков различных направлений и профилей исследования; и, 2) более тесное сотрудничество с географами разных специальностей, разрабатывающих историко-географические вопросы по своей тематике. К **содержательным аспектам** следует отнести: 1) усиление классической, особенно историко-экономико-географической составляющей Семинара; 2) поддержка новых пограничных исследований на стыке с динамично развивающимися в последнее время областями знания, особенно геополитикой, геоэкономикой, историей и теорией цивилизаций; 3) внимание к региональным историко-географическим исследованиям, в частности, по исторической географии России и ее отдельных регионов.

Д. Н. Замятин

SUMMARY

This issue, “The Bulletin of Historical Geography”, is an attempt to elaborate the synthetic approach adjusted for the research of interdisciplinary subjects on the borderland between the geographical and historical sciences. It is written by specialists of different sciences and interests, but at the same time it is an entity in its principal ideas and main goals. All articles of “The Bulletin...” are linked together by the scientific approach combining the spatial and temporal analysis of the social processes and human development patterns in their geohistorical perception.

The majority of the prepared articles are the special contributions for the “Seminar on Historical Geography”, founded by the Institute of Geography, Russian Academy of Sciences and functioning since April, 1996.